

Никита Суровцев

МА **НО**

ПОЛКОВАЯ КАЗНА
ЧАСТЬ I

18+

Виктор Ковригин
Махно. Полковая казна

«Автор»

2020

Ковригин В.

Махно. Полковая казна / В. Ковригин — «Автор», 2020

Этой книгой автор Виктор Ковригин, выступающий под псевдонимом Никита Суровцев, начинает серию книг под общим названием «Махно». В данной книге переплелась судьба героев двух поколений. Герой старшего поколения, Владимир Махно, родственник знаменитого Батьки Махно, прошёл испытания голодомором, сталинскими лагерями, штрафными ротами, Колымой. Волею судьбы он стал свидетелем места схрона полковой казны Нестора Махно. В преклонном возрасте он делится своим секретом с молодым другом, Никитой Суровцевым, героем из современного времени. Молодой герой пускается на поиски этих кладов. Что из этого вышло, узнает читатель. Для тех, кто ограничен во времени, книгу можно читать не большими частями на Яндекс Дзен, Канал называется "Дороги, которые нас выбирают", а так же на фейсбук "Viktor Kovrigin"

© Ковригин В., 2020

© Автор, 2020

Виктор Ковригин

Махно. Полковая казна

Никита Суровцев.

Махно. Полковая казна.

Этой книгой автор начинает серию книг, под общим названием «Махно». В данной книге переплелась судьба героев двух поколений. Герой старшего поколения, Владимир Махно, родственник знаменитого «Батьки» Махно, прошёл испытания голодомором, сталинскими лагерями, штрафными ротами, Колымой. Волею судьбы он стал свидетелем места хранения полковой казны Нестора Махно. В преклонном возрасте он делится своим секретом с молодым другом, Никитой Суровцевым, героем из современного времени. Молодой герой пускается на поиски этих кладов. Что из этого вышло, узнает читатель.

МАХНО

Полковая казна

Часть I

Посвящается моим родителям

Все события, описанные в этой книге, являются вымыслом автора. Любое совпадение имен и фамилий, являются случайным. Автор не несет ответственность, за совпадение ситуаций, описанных в этой книге с реальными событиями.

*«О, бездна богатства и премудрости
и ведения Божия!*

*Как не постижимы судьбы Его
и неисповедимы пути Его!»*

из Рим .11:33,

ПЕРМЬ 1980 год

I

Судьба свела меня с этим человеком зимой 1980 года, года развитого социализма, года Московской олимпиады, года смерти Владимира Высоцкого и года убийства Джона Леннона.

Звали этого человека Владимир Леонтьевич Махно.

Было ему в то время пятьдесят восемь лет. Сейчас это возраст мужчины в полном расцвете сил, а тогда в далекие восьмидесятые это был возраст за гранью среднестатистической продолжительности жизни мужчин в Советском Союзе. Как было сказано в одном советском фильме тех времён: «...люди делятся на две категории: те, кто доживает до пенсии, и на остальных...». Но, не смотря на свой возраст, выглядел он весьма неординарно. Не высок. Рост до ста семидесяти сантиметров, сухощав и осанист. Очень напоминал Кларка Гейбела, такое же открытое лицо и слегка ироничная улыбка, которая почти не сходила с его лица. Чёрные с серебристыми висками волосы, зачёсанные на косой пробор. Тонкие усики. Не большие, чуть с прищуром, внимательно настроженные карие глаза. Пожалуй, только одно отличие от голливудского актера у него все же было – это зубы. У Кларка была ослепительная жемчужная улыбка, у Махно тоже была ослепительная улыбка, только не жемчужная, а золотая. Он улыбался открыто и искренне всем своим золотым «фасадом». Как он сам шутил: «это моё достоинство, мой золотой запас». Ещё одна характерная примета выделяла его: он постоянно держал

в зубах чёрный мундштук с сигаретой, которая не всегда была прикурена. Он и разговаривал порой, не выпуская изо рта мундштук. Одевался он тоже по-особенному, по крайней мере, его «прикид» выпадал из общей серо-буро-зелено-чёрной людской массы тех времён, которая перемещалась по улицам городов и называлась рабочим классом и трудовой интеллигенцией. Главная и узнаваемая деталь его гардероба была фетровая шляпа. Причём он ходил в ней почти круглый год, за исключением очень жарких дней. Шляпы были с широкими полями и каждому сезону и гардеробу соответствовала своя. Носил он их, с каким-то шиком, но это не были пижонские манеры. Шляпа была неотъемлемой частью его существа. Так непринужденно, но в тоже время, подчёркнуто интеллигентно не многие могли носить шляпы, в СССР. Он всегда был при галстукке или в бабочке, рубашки темных цветов в тонкую светлую полоску, жилетка или тонкий трикотажный кардиган и пиджак. Брюки были всегда идеально отглажены, как говорили в то время: «о стрелку можно порезаться». На ногах были туфли, начищенные до лакированного блеска, и у него всегда был при себе кусочек «бархотки», которым он протирал туфли, заходя в помещение с улицы. Пальто, и костюмы, которые он носил, были не ширпотребовского производства, а сшиты на заказ у хорошего портного.

В то время он работал художником-оформителем в тресте ресторанов, в котором в то же самое время начинал свой трудовой путь и я, Никита Суровцев.

Отроду мне тогда было двадцать два года. Роста я был приличного (сто восемьдесят три сантиметра), темно-русые волосы с причёской а-ля «the Beatles», серо-голубые глаза, нос с горбинкой, мушкетерские усики, губы, над волевым подбородком, всегда излучали добродушную улыбку. Многие считали, что я похож на молодого, сэра Пола Маккартни.

В меру накачан, но без фанатизма. Широкая грудь, шесть кубиков пресса, бицепс сорок пять сантиметров в обхвате, попа как орех (это чисто женское замечание), длинные, мощные ноги. На работу я, носил строгий костюм, обязательно при галстукке, в добротных импортных туфлях или ботинках. В нерабочее время в джинсах и адидасовских кроссовках. Из верхней одежды зимой югославская дубленка и мохеровый шарф, на голове шапка из крашеной ондатры, весной и осенью финский лайковый плащ или кожаная короткая куртка «Харрингтон». Вот такой типаж молодого человека того времени, который хотел и зарабатывал гораздо больше, чем ему могла предложить за работу любимая страна Советов. В духовном плане любил много читать не только беллетристику, но и научно-техническую литературу. Был фанатом «битлов» и имел на виниле все девятнадцать альбомов этой группы. Заслушивался роллингами, кридами, с удовольствием слушал Брауна и Эрика Клиптона. Сносно играл на гитаре (достаточно, чтоб покорять сердца юных дам), неплохо танцевал как современные, так и балльные танцы. Венцом всему был компанейский, добродушный характер без зависти и подлости, но в душе я все-таки был авантюристом.

II

Однако, вернёмся к нашему повествованию и перейдём к тому моменту, когда я познакомился с нашим главным героем. Восьмидесятый год был объявлен в СССР годом изобретателя и рационализатора. Да, да не годом культуры или спасения дальневосточного леопарда, а годом рационализатора. У каждого времени свои причуды: кто-то хочет запустить техническую революцию, которая в то время уже «свирепствовала» во всем капиталистическом мире, а кому-то надо спасать уссурийских тигров и учить журавлей летать. Так вот вызвал меня к себе наш шеф Гриншпук Ефим Клименьтьевич. В кабинете у него уже сидели начальник отдела кадров Ванюшкин Николай Васильевич и заведующий подсобным хозяйством, а по-простому директор свинарника Фрункин Марк Осипович.

- Так вот, молодые люди, – сказал шеф.

– Нашему тресту поручено ответственное задание: представлять Пермскую область (тогда это ещё была область, а не край) на всесоюзном конкурсе рационализаторов и изобретателей, мать их, – поперхнулся Ефим Климентьевич.

– Мало у меня головняков, так нет, на верху решили, что наш свинарник, и организация комплексного питания горячими обедами строителей, на стройплощадке, заслуживает того, чтобы высветить этот опыт на показ в Москве.– раздражённо завершил он.

Тут необходимы пояснения. Вам часто встречались директора свинарников евреи? Мне нет. На моей памяти Марик был единственным представителем потомков Моисея, который был начальником весьма не кошерной продукции. Но это было ещё не все. Марик закончил ППИ с красным дипломом по специальности инженер-проектировщик станков и оборудования. Вы скажете, что тут общего между свиньями и тяжелым машиностроением? А общее то, что только ум еврея мог соединить эти две абсолютно разные отрасли народного хозяйства. Не буду утомлять вас подробностями, попробую вкратце. Марик, по просьбе шефа спроектировал линию откорма поросят, которая работала на пищевых отходах (в то время в избытке имевшихся во всех предприятиях общепита). Отходы привозились на свинарник, сгружались в емкость, где измельчались и проходили тепловую обработку. Затем по трубопроводу поступали в откормочный цех, где дозировано, распределялись в кормушки поросят. Другая линия подавала в стойла тёплую воду под определенным давлением и направлением, что позволяло обмывать свиней и смывать из-под них продукты их жизнедеятельности. Нужно отдать должное, на свинарнике была показательная чистота, и почти отсутствовали фоновые запахи. Благодаря неординарному мышлению двух представителей учения Каббалы, данный проект давал неплохой гешефт. Питание обладателей круглых «пяточков» было практически бесплатным, хотя по отчетности поросята съедали, положенную норму комбикормов. А благодаря халявному питанию пищеотходами и соответствующему уходу, поросята давали средний прирост по отчетности один килограмм в сутки, а по факту – кило четыреста.

Не хилый гешефт получался, если взять в расчёт то, что свинарник был рассчитан на пятьсот голов. Стоимость одного килограмма мяса (в те годы, в общественном питании) за килограмм составляла три с половиной рубля. Если бы эти подсчеты производили сотрудники ОБХСС (отдел борьбы с хищением социалистической собственности), то вместо конкурса изобретателей и рационализаторов, наши два иудея попали бы на скамью подсудимых по ст. 89 прим (старого УК РСФСР), которая предусматривала наказание, вплоть до высшей меры социальной защиты. И наверняка попали бы в историю наравне с директором Елисеевского гастронома и «железной Беллой».

Так вот на этот симбиоз сельхоз производства и криминального мышления нужно было оформить грамотную и красочную, как сейчас говорят, презентацию. Руководителем проекта назначили меня, а в помощь дали Марика, художника Махно и сотрудницу планового отдела Марину Черкасскую. Николаю Васильевичу поручили контроль над этим проектом.

III

Хочу остановиться на описании начальника отдела кадров. Ванюшкин был добродушнейший человек, как и все остальные начальники отделов кадров (попадавшиеся мне на моем трудовом пути). Круглолицый, голубоглазый «пузырь», про которых говорят, «... а боком он ещё шире...». С огромным глянцевым «озером» на макушке, обрамлённым жиденькой порослью светло-русых волос. Ходил он точ в точ, как Винни-Пух из нашего мультика и даже чем то, но совсем чуть-чуть, был похож на артиста Леонова. Одет он был всегда в серый костюм, форму сотрудника милиции тех времён, оставшуюся у него с прежней работы, но без погон, петлиц и форменных пуговиц.

Попал он на работу в трест из РОВД Мотовилихинского района, кстати, там он тоже занимался кадрами и досидел бы до своей отставки, спокойно поклевывая носом в послеобеденной дреме. Но как говорится: «человек предполагает, а Бог располагает». Случилась эта

оказия, аккуратно, перед самым Днём милиции. Необходимо сказать, что день рождения Николая Васильевича совпадал с днём его профессионального праздника. И в этот год ему исполнялось 45 лет.

Был у Николая Васильевича один грешок. Если он употреблял хотя бы 50 грамм алкоголя, то его было уже не остановить до тех пор, пока он не доходил до «кондиции», превращаясь в нечто не человекоподобное, хотя и был абсолютно безвредным.

Зная его слабину к алкогольным напиткам, и зная последствия данного действия, двое молодых оперов из ОБХСС решили подшутить над ним. Накануне они «приняли» одного фарцовщика, и среди конфискованных вещей оказались майки с аппликациями голых фотомоделей на фоне авто и мотоциклов. Майки эти были из нейлона и практически безразмерные. Кому из них пришла идея подарить такую майку Николаю Васильевичу не суть, важны последствия.

В РОВД все знали супругу Ванюшкина, Альбину Эдуардовну, женщину приятную внешне, но по характеру сушая Мегера. Она была воспитана в строгости и пуританстве и не допускала у себя в семье, каких либо излишеств, в том числе и алкоголя, не говоря уже о прочих вольностях. Что бы Николая Васильевича не искушал соблазн «зеленого змия», за два дня до каждого предстоящего праздника она заступала на «боевое дежурство» и приходила встречать его за час до окончания рабочего дня. Тем самым, не давая возможности мужу (как она думала) усугубить горячительных напитков и пуститься во все тяжкие. Но, как сказал Высоцкий: «...Уж ежели я чего решил, я выпью обязательно, а к этим шуткам отношусь я очень отрицательно...». Бывало, что порой её тактика не срабатывала, и Ванюшкин все же вытекал из-под её опеки. А срывался он конкретно. Напивался до поросычьего визга. Он относился к той категории людей, которым нужно «пятьдесят грамм для запаха, а дури своей хватало». Что он выкинет, в таком состоянии, никто не мог предположить. Так получилось и в этот раз.

Два этих молоденьких опера купили бутылку коньяка, коробку конфет, поместили все это в фирменный пакет с рекламой сигарет «Marlboro», туда же отправилась и майка с эротической, а в те времена это называлось порнографической, рекламой мотоцикла «Harley Davidson». Зайдя перед обедом в кабинет к Ванюшкину, они скороговоркой выговорили поздравления и вручили пакет. Николай Васильевич расплылся в улыбке от такого знака внимания, и хотел убрать пакет в ящик стола. Но «чёртик в коробочке» не дремал и соблазнил Ванюшкина потянуть за ниточку любопытства, которая натянулась до предела и лопнула, тем самым спровоцировав на соответствующие действия. А именно, заставила «пузыря» заглянуть внутрь пакета. Увидав содержимое пакета, внутри Ванюшкина щелкнул тумблер, отключающий инстинкт самосохранения и здравый смысл. Как писали наши классики: «...и тут Остапа понесло...».

В пакете он видел только одно: запретный плод. Его мозг лихорадочно начал работать. За доли секунды в его голове пронеслось все: и радость удовольствия, и эйфория, и блаженство, и расплата за содеянное, и наказание, и муки стыда и сожаления. Но чёртик уже потирал своими ручонками в предвкушении зрелища, которое не заставило себя долго ждать. Наш кадровик бережно извлёк из пакета бутылку трёхзвездочного армянского коньяка. В то время ни один, уважающий себя мужчина, не мог отказать себе в удовольствии, и не усугубить 100 грамм этого блаженного нектара. Кстати тогда этот напиток был действительно великолепен. Николай Васильевич с любовью осмотрел бутылку, легким, профессиональным движением снял с горлышка бутылки «бескозырку», так называли мягкую фольговую пробку с «хвостиком», которыми в те времена запечатывали бутылки со спиртным, и отмеренным движением налил в стакан золотистой жидкости с ароматом винограда, дуба, горного воздуха и кавказского гостеприимства. Напиток плавно влился, растекаясь внутри, и обволакивая все неповторимым теплом. Как истинный ценитель коньяка, Николай Васильевич, не стал перебивать вкус шоколадными конфетами Пермской шоколадной фабрики. Хотя нужно отдать должное качеству конфет, производимых на этой фабрике. Они были без преувеличения достойного качества,

не зря наш, всеми любимый, «певчий соловей», Лев Валерьянович, после гастролей в Перми, непременно заговаривался продукцией этой фабрики, в невероятных количествах. Дождавшись, когда жидкость и аромат полностью заполнят его существо, Ванюшкин улыбнулся сам себе и не стал заставлять свой организм ждать следующей порции нектара.

Он в точности повторил предыдущую процедуру. Немного попархав в облаках эйфории он решил полюбопытствовать остальным содержимым пакета и извлёк оттуда майку в фирменной упаковке. Вскрыв пакет, Ванюшкин, сначала бегло, а затем все более внимательно начал изучать этот шедевр империалистической развратной пропаганды. То ли коньяк на него подействовал, то ли внутри него были скрыты какие-то потайные желания и мысли, но наш «пузырь» решил примерить маячку на себя. Как говорится: «картина маслом».

На его глобусовидном животе, стройная блондинка превратилась в «кустодиевскую барышню» с размерами женских прелестей XXL. Вид сверху не давал ему возможности увидеть всей полноты определившегося шедевра, но интуитивно он ему уже нравился и мысли «мужчины в полном расцвете сил», потекли в определенном физиологией направлении. Рука сама потянулась к заветной бутылке, стакан наполнился на треть и коньяк, все так же божественно одурманивая, влился в него маленькими глотками. Николаю Васильевичу вдруг захотелось общения и желания с кем-нибудь поделиться красотой своего наряда. Этому способствовало и то, что он вдруг, не без помощи уже подействовавшего на его психику божественного напитка, вдруг представил себя молодым и стройным юношей с кудрявыми русыми волосами, безумно похожего на молодого Есенина. В супермодной майке, сводящейся с ума, как ему казалось, всех женщин. Ему вспомнились стихи про хулигана, всплыл в памяти романс, про «клён заледенелый» и ему захотелось простого человеческого общения.

С этой мыслью, и уже в голос, напевая про клён опавший, он вышел из своего кабинета и пошёл по коридору РОВД в поисках родственной души. Как будто чёртик подглядывал за ним, и на его беду дверь отдела дознавателей открылась, и в коридор выпорхнула Лизочка, стажёр-дознаватель, поступившая на службу всего неделю назад. Увидев юное создание, наш «пузырь» подпрыгнул от радости, и покатился своей неподражаемой походкой, к жертве случайного обстоятельства. Лизочка не успела, и пикнуть, как оказалась в объятиях Ванюшкина и была прижата к глобусообразному животу намертво.

Вот такую мизансцену увидели с одной стороны коридора Альбина Эдуардовна, жена Николая Васильевича, а с другой стороны коридора начальник РОВД, идущий вместе с заместителем начальника областного УВД по политической части. А дальше все пошло, вернее, просто вышло из-под контроля. Альбина Эдуардовна дикой кошкой кинулась на своего мужа, Лизочка от таких неприемлемых для себя «ласковых» объятий упала в обморок. Начальник РОВД дико зарычал, схватившись обеими руками за голову, а заместитель начальника областного УВД замер, открыв свой рот на максимально возможную ширину, и выронил из рук красную папку. Кстати в этой папке был приказ о присвоении Ванюшкину Николаю Васильевичу очередного звания подполковника, по случаю дня милиции и его сорокапятилетия.

Что было дальше, я думаю рассказывать не надо, потому что это было бы настоящее издевательство над личностью нашего кадровика. Констатирую лишь итог этого инцидента. Конечно же, приказ о присвоении очередного звания был аннулирован, и Николаю Васильевичу было предложено исполнить рапорт. Раны, полученные от острых коготков его супруги, зажили, он был в очередной раз прощён. А злополучная майка, вернее те клочки, что от неё остались, были выброшены на помойку.

Вот после вышеуказанных событий и попал наш Николай Васильевич на работу в трест ресторанов. О чем, кстати, и не жалел. Здесь он был уважаемым человеком и получал от директоров ресторанов и заведующих производством небольшие подарки в виде деликатесов, что в те времена было немаловажным обстоятельством, поскольку в стране наблюдался дефицит не только деликатесов, а вообще продуктов питания.

IV

Вернёмся к сути повествования. Николай Васильевич вызвался познакомить меня с другими участниками проекта, и мы отправились в мастерскую художника.

По пути мы заглянули в плановый отдел. Это была оранжерея самых ярких и экзотических «цветочков и ягодок», радующих взгляд и будоражащих мужское воображение. Действительно коллектив планового отдела состоял из очаровательных девушек и женщин, для которых подиум был бы более подходящим местом работы. Я застыл на пороге, оловянным солдатиком, наверное, даже приоткрыл рот, потому что в «груди дыханье сперло». В ответ, на меня устремились взгляды «анютиных глазок» и «очей чёрных и страстных». Наш кадровик, не обращая внимания на этот цветник, направился напрямик к столу начальника отдела Софьи Борисовны, женщины в возрасте, но от этого не менее привлекательной и я сказал бы, не задумываясь, желанной. Ознакомив её с приказом, они немного переговорили, и Софья Борисовна своим бархатисто-грудным голосом произнесла,

–Черкасская. Вы поступаете во временное подчинение к руководителю группы проекта Суровцеву Никите Никитичу

Со всех сторон послышалось чириканье: «вся?», «навсегда?», «везет же некоторым», «а я, то же не замужем», «а можно мы вдвоем, мы вместе учились и подруги». Всё это чириканье сопровождал девичий смех. Софья Борисовна обвела всех строгим и властным взглядом и в отделе тут же наступила тишина. Из-за своего стола поднялась девушка с русыми волосами. Сказать, что она была просто симпатична, это тоже, что сказать про картину Леонарда да Винчи «Джоконда» – это просто картина. Марина, на мой взгляд, была самым нежным цветком в этом роскошном букете женского великолепия. Она изящно повернула свою русую головку в мою сторону и как говорят классики: «Наши взгляды встретились», встретились посередине разделяющего нас пространства, встретились и взорвались яркой вспышкой- молнией, которая, как мне показалось, озарила всё вокруг. Её зелено-серые глаза обозначал чуть раскосый азиатский разрез. Аккуратный носик имел профиль греческих богинь. Чуть припухлые губы манили своей свежестью, из-под них светились перламутровые, ровные зубки. Невесомый, точеный подбородок выгодно оттенял нежную, бархатистую, шею. Легкий, естественный румянец дополнял описание её портрета.

Одета она была в свитер из тонкой ангорской шерсти черного цвета с высоким воротом, и юбку шотландку цветов клана Маккуин. Ножки были запакованы в чёрные из тонкого трикотажа гамашы, в те времена ни лосины, ни легенцы, тогдашняя мода ещё не знала. На ногах были австрийские зимние сапожки из чёрной замши на высоком каблуке. На тонкой талии к месту был широкий пояс из чёрной замши с причудливой пряжкой цвета антрацит. От моего взора не ускользнула и та часть женской фигуры, которая всегда привлекает настоящих мужчин. Её грудь эффектно выделялась на фоне черного свитера и имела весьма рельефную форму. В те времена ещё не было лифчиков «пушат», по этому, с уверенностью можно было утверждать, что её грудь была реально третьего размера.

Прервал моё оцепенение Николай Васильевич,

– Ну что, дети мои, попрошу на выход. Нас ждут великие дела!– и мы отправились к художнику.

V

Владимир Леонтьевич встретил нас в своей мастерской с неизменным мундштуком в зубах. Он поднялся со своего крутящегося стула, и вынул изо рта сигарету. После короткого знакомства и озвучивания сути нашего визита официальная часть была окончена. Махно бережно, по-отцовски, взял руку Марины и с поклоном, как истинный джентльмен, поцеловал её запястье. Мы немного потрепались ни о чем, после чего Махно предложил за знакомство выпить по пятьдесят грамм коньячку. Наш кадровик замахал рученьками,

– Не обессудьте друзья, но это не про меня. Дал зарок себе и своей половинке, после определенных событий, приведших к плачевным последствиям, что больше ни грамма в рот, ни сантиметра... – чем вызвал дружный смех.

- Ну, на нет и суда нет, – проговорил художник, улыбнувшись,

– Прошу прощения, милая барышня, – тогда я впервые услышал такое обращение к девушке и оно мне очень понравилось,

– Составьте нам компанию, скрасьте наше мужское общество.

Марина кротко и в то же время немного кокетливо взглянула на него из под пушистых ресничек, улыбнулась и нежно выдохнула,

– Попробую -

- Ну, а Вы, мой юный друг, не откажетесь поддержать компанию?,- даже не вопросом, а скорее утверждением обратился он ко мне.

- Нет,- произнёс я, и сделал театральную паузу,

– Не откажусь,- и то же расплылся в улыбке.

В общем Махно достал початую бутылку коньяка, Николай Васильевич сходил к себе в кабинет за шоколадом и лимоном, и мы приступили к решению «производственных вопросов». Забегая вперёд скажу, благодаря нашей дружной команде, и под моим чутким руководством, наш трест занял третье место на всесоюзном конкурсе. Коллектив был премирован автомобилем ВАЗ-21013, который получил Марик. В поощрение входила и денежная премия, в размере десяти тысяч рублей, которую поделили по справедливости: шеф получил пять тысяч, главбух три тысячи, а оставшиеся, равными частями были распределены между мной, кадровиком, художником и Мариной. Мы были не в обиде.

Но вечер был ещё не закончен. Николай Васильевич, чтобы не искушать себя, потихоньку слился. Почти одновременно с уходом кадровика, позвонила по внутренней связи секретарь шефа и сообщила, что Махно уже ждут в ресторане «Аэлита», для обсуждения деталей дизайна банкетного зала. Мы с Мариной то же собрались уходить, но Владимир Леонтьевич предложил,

– Не торопитесь, я буквально через полчаса освобожусь, и мы продолжим наше приятное общение. -

Возражений не последовало, и мы остались вдвоём.

VI

Едва за Махно захлопнулась дверь, как мы с Мариной оказались в объятиях друг друга. Легкий кайф от коньяка и аромат духов «Estee Lauder», буквально свели меня с ума. Мы с жадным наслаждением целовали друг друга. В какой-то момент моя рука скользнула по телу Марины, собираясь произвести манёвр захода под юбочку, с целью попытаться освободить её от лишних предметов её гардероба. Но Марина тихонько прошептала на ухо,

– Не сейчас и не здесь. -

В голове промелькнула мысль, что я пролетаю, как «фанера над Парижем». Но оказалось, что такие мысли преждевременны.

– Возможны и другие варианты, познакомиться поближе, – прошептала она.

Марина неторопливо опустила на колени. Не спеша расстегнула молнию на моих брюках, и все так же неторопливо, но нежно и уверенно, довела меня до состояния, близкого к эйфории, эффект от которого, сравнить ни с чем невозможно.

Вот так, в один день, в моей жизни появились два человека, которые стали на много лет для меня близкими людьми и сыграли в моей жизни немаловажную роль. С Мариной у нас завязались отношения, которые с годами становились все крепче. А с Махно наше знакомство переросло в настоящую мужскую дружбу, не смотря на огромную разницу в нашем возрасте.

УКРАИНА

1931-1933 года

Село Лютенька, Александровск

I

Мы сидели с Владимиром Леонтьевичем у него в мастерской. Был конец рабочего дня. За полчаса до этого приходила Вероника, заведующая кондитерским цехом кафе «Мечта». Она принесла чудесные пирожные «буше» и бутылку молдавского коньяка «Белый аист». Накануне Махно расписал траурные ленты на погребальные венки для сотрудницы кафе, безвременно ушедшей в мир иной. Ленты у него шикарно получалось, весь трест обращался к нему, если была такая печальная необходимость. Мы попивали коньячок, закусывая пирожными.

Набравшись смелости, я спросил – Фамилия у Вас звучная. Вы случайно не состоите в родстве с небезызвестным Нестором Ивановичем?

- Как ни странно, но состою, – сказал Владимир Леонтьевич,

– Он был двоюродным братом моего отца. И, кстати, фамилия наша не Махно, как большинство полагают, а Михненко. И с этой фамилией я и прожил большую часть своей жизни. И родители мои тоже жили с этой фамилией-.

Немного погодя, медленно и осторожно, как будто перешагивая через бурелом лет и событий, начал он свой рассказ. Сначала не торопливо, как будто подбирая слова, а затем более уверенно, но с чувствуемой сквозь повествование болью, все говорил и говорил...

– Это было летом одна тысяча девятьсот тридцать первого года, мне тогда шёл десятый год. Все население села Лютенька, где мы тогда жили, собралось на площади возле сельсовета. Мы, пацаны и девчонки, родившиеся уже при Советской власти, радовались больше всех. А повод был: в нашем селе устанавливали репродуктор – это чёрное «слуховое окно», являвшееся «рупором прогресса и советской пропаганды».

Установить репродуктор вызвался наш школьный учитель Шарицкий Василий Михайлович, он же по совместительству сельский электрик. Вообще Василий Михайлович был человеком активным и идейным. Год тому назад, сельская партячейка постановила снять с храма колокола, а наш учитель решил проявить инициативу, предложив снять ещё и распятие Иисуса, висевшее в храме с XVII века. Колокола мужики сняли, а вот на распятие у них рука не поднялась ни за какие коврижки, ни за угрозы наказания за неповиновение Советской власти, они не соглашались снять распятие. Тогда наш председатель Фома Кожин, руководивший антицерковным беспределом, подозвал к себе Шарицкого и безапелляционно изрёк,

– Ты, Василь, предложил, ты и сымай -

Василий Михайлович даже обрадовался такому доверию, поскольку в душе был ярким атеистом и анархистом (не зря воевал под началом Махно и вдобавок был с ним из одного села). Распятие он снял, но проклятий в свой адрес услышал не меньше чем та проститутка, заразившая триппером половину казачьей сотни.

Необходимо описать нашего учителя, поскольку он будет играть не последнюю роль в нашем повествовании. Лет ему было около сорока. Довольно высокого роста, наверное, от этого он постоянно сутулился. Темноволосый, кареглазый мужчина, с вытянутым по лошадиному лицу, с широким, волевым подбородком, широкоплечий и с непропорционально длинными руками. Одет он был как многие в те годы: галифе, заправленные в сапоги, гимнастерка, подпоясанная офицерским ремнём, пиджак и на голове картуз. Отличительной особенностью его было то, что он постоянно употреблял нюхательный табак. Делал он это забавно, наверное, ещё и потому, что на левой руке, которой он нюхал табак, у него не было среднего пальца. Палец он потерял в двадцатом году на фронте, сражаясь в рядах армии Махно против Деникина.

Но вернёмся к основной теме общего сбора сельчан. После торжественной речи председателя о всеобщей коллективизации и необходимости политической грамотности по средствам информационной революции при помощи репродуктора. Сельский духовой оркестр, состоявший из трубы, тромбона, тубы и барабана, трижды отыграл туш, и наш учитель, по совмести-

тельству электрик, в полном снаряжении полез на столб, прихватив и репродуктор. Добравшись до верха, он сноровисто закрепил на столбе «квадратный чёрный тюльпан», именуемый громкоговоритель и принялся подключать его к проводам. Необходимо заметить, что репродуктор работал от 220V. В общем, провода оказались под напряжением, и когда он подсоединял к ним громкоговоритель, Владимира Михайловича так «долбануло» током, что никакие страховочные пояса и «когти» для подъема на столб не удержали его на высоте. Летел он со столба быстро, успел только пару раз взмахнуть руками. Он ударился о землю, с каким-то утробно-хрюкающим звуком и замер. Замерли и все зрители этого представления. Тишина стояла полная, слышно было, как жужжат оводы и вдалеке пофыркивают лошади. Но продолжалось это секунд десять, пока горе электрик не издал жалобный стон. И тут бабка Акменина громко проронила,

– Ни хрена этого антихриста не берет, – сплюнула она, и пошла проч.

А толпа вдруг взорвалась истеричным хохотом. Но хохот этот продолжался не долго, потому что из репродуктора сначала пошёл треск, потом хрип, а затем полилась мелодия вальса «амурские волны». Наверно это было самое яркое положительное событие в моем детстве. Я имею ввиду, установку репродуктора, а ни коим образом не падение нашего учителя.

После столь серьезного падения у Василия Михайловича перестала двигаться левая рука. Нет, он не сломал её, а повредил то ли сухожилие, то ли ещё что то. В итоге, после вышеупомянутого происшествия рука учителя висела плетью и чтобы она не мешала, он постоянно засовывал её за спину, под ремень гимнастерки.

Но все имеет «свой конец, своё начало» и хорошее в жизни заканчивается гораздо быстрее, чем нам бы хотелось.

II

Вскоре наступили страшные времена, времена коллективизации, раскулачивания и голода.

А пока жизнь в селе шла своим чередом. Я учился в школе, сестренке Христинке шёл третий месяц от роду. Детей у нас в семье больше не было. Вернее были ещё две сестренки-близняшки, Сара и Аза. На этих именах настоял отец. Почему, вдруг, ему захотелось так их назвать, история умалчивает. Да и умерли они в младенчестве. Азочке не было и месяца, а Сара в возрасте полугода заболела воспалением легких и улетела на небеса, вслед за своей сестренкой, невинным ангелочком.

Мама, Мария Карповна, была черноволосая, кареглазая казачка, с дугообразными бровями, почему-то всегда бледная и грустная. Стройная и всегда легкая на подъём, она хлопотала по хозяйству целыми днями.

Отец, Леонтий Терентьевич, был крепкий, не высокого роста мужчина, ходивший степенной походкой в хромовых сапогах, казацком галифе с лампасами запорожских казаков, в светлой вышиванке и накинутом на плечи кафтане. Картуз он носил по-казацки, набекрень, с торчавшим из-под козырька кудрявым чубом. Он тоже не сидел без дел, всю свою сознательную жизнь трудился с рассвета до заката и был сильным хозяином.

Хозяйство наше было не большое, но крепкое. Из живности были конь, лошадь, корова, бычок, десяток коз. Хряк, со своим гаремом из пяти свиноматок, а так же куры, утки, гуси. Мы жили особняком, отношения в селе поддерживали с немногими сельчанами, в том числе с учителем Шариатским, председателем сельсовета Фомой Кожиным, бухгалтером колхоза по фамилии Крат, и двумя такими же крестьянами, как мой отец. Звали их Иосиф Брода, и дядька Никола Забудько. Мы все были не коренными жителями села Лютеньки, а пришлыми. Все мы были земляками из Гуляй Поля, и как я потом узнал, все взрослые воевали в армии батьки Махно, только они называли его, почему-то «Малой».

Все началось зимой в конце тридцать первого года, когда к нам в село приехал оперуполномоченный ОГПУ по фамилии Рудь. Молодой парень лет двадцати пяти. Высокий, сухопа-

рый мужчина, с темными короткими волосами и колючими, как шило глазами. Одет он был в сапоги, шинель и форменную фуражку с синей тульей и красным околышем. Подпоясан офицерским ремнём. С одного бока у него висел маузер в деревянной кобуре, с другой шашка. Конь у него был вороной с белой звездочкой во лбу. Приехал он в помощь и на усиление сельского актива, для оказания помощи по ускорению коллективизации и укреплению колхоза, со звучным названием: «Союз красных хлеборобов». На здании сельсовета сразу появилась кумачовая растяжка «ДАЁШЬ ВСЕХ В КОЛХОЗ!».

Лентяи и пьющие мужики с его приездом, начали собираться на площади перед сельсоветом и митинговать на темы «справедливости»: всем всё поровну и все обязаны дружно вступать в доблестные ряды колхозников. Было их немного, да и откуда взяться в те времена бездельникам и пьяницам. Терять им было нечего, потому что у них НИЧЕГО не было, в отличие от большинства крестьян, мужиков крепких, работающих, заботящихся о своих семьях, которые вкалывали от зари до зари, которые хотели просто жить. Жить в достатке, рожать детей и радоваться жизни. Им не нужны были потрясения, они не были против Советской власти, но и не собирались держать на своей шее пьяноту. Но вожди страны Советов думали по-иному.

В общем ранней весной, по совету дядьки Фомы Кожина, отец и все земляки, то же вступил в колхоз. Пришлось отдать в колхоз лошадь, трёх свиноматок, пять коз и птицу. Кроме того три пуда пшеницы, картошку, овёс и семена подсолнечника и кукурузу. Так же поступили и наши земляки. Посевную в колхозе кое-как провели. Кто больше всех ратовал за колхоз, тот меньше всех работал, но зато требовал себе по максимуму. В общем, урожай на плодороднейшей Украинской земле, уродился хуже, чем на солончаках. Дальше – хуже. Половина скотины за зиму пала. К весне тридцать второго года на посев в колхозных закромах ничего не осталось и пошли по дворам активисты с требованием сдать излишки зерна и корнеплодов. А тут ещё продразверстка в помощь рабочему классу. Рудь начал косо поглядывать на зажиточных мужиков. Вскоре ему в помощь прикомандировали взвод красноармейцев.

Через месяц первые десять семей, тех, кто не вступил в колхоз, под конвоем отправили в Сибирь, а их имущество и скот раздали малоимущим и оприходовали в колхоз. Дома их тоже достались безпортковым босякам. Но не все безропотно шли в ссылку. Дядька Щусь был зажиточным мужиком, волевым и крутым по характеру. В колхоз вступать отказывался принципиально. Когда к нему пришли, нет, не арестовывать, а изымать скотину, он выскочил во двор с шашкой наголо и кинулся в хлев. Там он рубал налево и направо, порой не убивая, а только калеча скотину. Нужно сказать, что скотины было много: только лошадей три кобылы, а бычков, коров и телок больше десятка. Вой скотины, доносящийся из хлева, был жуткий. Когда Щусь выскочил из хлева, он был с головы до ног в крови, глаза его дико сверкали. Пришедших за ним солдат охватила оторопь. Бойцы не решились войти во двор, а Рудь спокойно вынул из кобуры маузер и пол обоймы всадил в Щусю. На выстрелы из хаты выскочила жена Щуся, Матрона. Недолго думая, Рудь пустил и в неё две пули. За этот «подвиг» Рудя не только не наказали, а наоборот ещё и наградили.

От таких бесчинств народ вообще притих. «Раскулачивание» продолжалось. Дом дядьки Щуся, под железной крышей и с хорошим подворьем, по решению парт ячейки, достался пьянице и подзаборнику Гене Лаптеву. Достался за то, что он был самый неимущий, и у него было девять душ детей мал, мала меньше. Жили они впроголодь в полуразрушенной хате, которую и хатой то можно было назвать, только глядя на неё издалека. Так вот, торжественно передали ему добротный дом, а он через неделю продал в соседнее село железо с крыши, дубовые с ковой ворота и всю живность, которую ему тоже выделили. На вырученные деньги он устроил грандиозную попойку, на которую позвал всю гольтьбу села. Пил он целый месяц, пил до тех пор, пока не издох в канаве под забором. А его семья, (старший из детей был моим ровесником) подалась из села в город, к родственникам. Но по дороге стинула неизвестно где.

Я тогда был ещё мал, чтобы разбираться в политической ситуации, но всеми фибрами души чувствовал надвигающуюся беду. Отцу и матери приходилось все больше времени работать в колхозе, иначе могли не поставить трудовень, и мы с Христинкой, ей тогда было чуть больше годика, и она ещё не ходила, а только ползала по хате, были предоставлены сами себе. Ни бабки, ни деда у нас не было. Они померли ещё в двадцатых годах. Поэтому заботы, по домашнему хозяйству и скотине лежали на мне.

На днях молодая свиноматка опоросилась. Мать собиралась с утра помогать ей, потому что у свиньи был первый опорос. Но свинья, есть свинья, не дожидаясь помощи, опоросилась ночью. То ли сперепугу, то ли что, но половину поросят она сожрала. Отец хотел её сразу пустить на мясо, поскольку такие свиньи считались бешеными и могли пожрать потомство и от других свиней. Но мать упростила его не делать это. Кто же мог знать, что какая-то свинья может принести столько горя и страдания. Отсадили свинью в отдельный загон, а поросят подложили другой свиноматке. На этом и забыли, в хозяйстве всякое бывает.

Прошло не больше недели. Родители ушли на покос колхозных заливных лугов, а мы с сестрёнкой остались дома. Я с утра, как обычно, напоил скотинки и задал всем корма. Соседские ребятишки, дети дядьки Николы Забудько: Агашка, Митька и Савелий, позвали меня играть в «чижа». Есть такая деревенская игра. Инвентарь наипростейший: один «чиж», это небольшая чурочка длиной десять, диаметром три-четыре сантиметра и заострённая с обеих сторон. У каждого игрока была своя «ракетка», а проще говоря, небольшая досочка длиной до пятидесяти сантиметров и шириной пять, с одной стороны обструганная под рукоятку. «Чиж» лежит на земле, игрок ударяет по краю чурочки ракеткой так, чтобы чурка подлетела в воздух и в этот момент игрок должен изловчиться и ударить по чурке так, чтобы она как можно дальше улетела. У кого «чиж» дальше улетит, тот и выиграл. Простая игра, но увлекала с головой, и время летело незаметно. В общем, опомнился я, когда солнце было почти в зените, а мы были далеко за околицей.

Прибежав домой, первое, что я увидел – это была та свинья. Морда её была в бурых пятнах. Меня пробил озноб от предчувствия чего-то страшного и непоправимого. Я палкой загнал свинью обратно в хлев. Как она открыла, и выбежала наружу, было непонятно. Затем я бросился в хату и остолбенел. Весь пол был в кровавых пятнах, вокруг были лохмотья детской одежды. Христианки не было. От ужаса я онемел и бросился во двор. Я метался по двору в поисках моей сестренки, но её нигде не было. Я кричал и звал на помощь. Мимо проходила бабка Акменина, на мои вопли она вбежала во двор,

– Что случилось? – спросила она, тряся меня как грушу, видимо пытаюсь таким образом привести в чувства.

– Свинья, Христина, – только и мог я пролепетать.

Сразу поняв, что произошло, она заполошно заголосила,

– А-ааа. Люди добрые помогите-е-е-е! -.

На её дикие вопли стали сбегаться сельчане. Бабки отвели меня к соседям, где пытались привести в чувства. Но все было тщетно, меня била крупная дрожь и я все повторял,

– Христинка, Христинка... -

Очнулся я на лавке в хате дядьки Николы. Рядом сидела его жена, моя крёстная Елена, она прикладывала к моему пылающему лбу мокрый рушник и все приговаривала,

– Тише, тише, спи, спи. -

Болел я почти полгода. От нервного потрясения у меня отнялись ноги и я онемел. Сельский врач ничего не мог сделать. Бабки читали молитвы и наговоры. Меня поили какими-то травами. Парили и растирали в бане. Все было тщетно. Эти полгода я провёл у крёсных в хате, крёсная Лена и Агашка присматривали за мной.

Трагедия, постигшая нашу семью, свалила не только меня. Мама помутилась рассудком и ни кого не узнавала. Все ходила по селу и искала Христинку. Отец как мог, справлялся с хозяй-

ством, но и он был не двуличный. Почти всю скотину забил на мясо (смотреть было некому). Дело в том, что с августа тридцать второго года ввели закон о «пяти колосках», и почти сразу ввели натуральные штрафы, по которым крестьян за то, что они не справлялись с дневными нормами выработки в колхозе или за прогулы наказывали «натуральными штрафами» путём изъятия продуктов питания. Сначала, пока ещё было что изымать, забирали мясо и сало, затем хлеб и картофель, а потом дошли и до сухофруктов. Под эти штрафы попали почти все селяне, конечно кроме актива, то есть тех, кто не работал, а больше всех горлопанил. Кстати на изъятие продуктов делали набеги все те же активисты. К тому времени председателя сельсовета дядьку Фому Козина арестовали, как пособника кулачеству, и с тех пор о нем ничего не было известно. Отнятые продукты активисты в большинстве случаев делили между собой. Покрывал их все тот же ОГПУшник Рудь. Затем стало ещё хуже. Наше село за невыполнения планов по сбору и сдаче сельхозпродуктов, поставили в области на «Чёрную доску», это означало, что никаких поблажек нашему селу не будет, а будут ужесточены меры социального воздействия, то есть репрессии. И тогда по селу пошёл голодный стон.

Люди от голода умирали целыми семьями. Начались случаи каннибализма. И как, издевка, на стене сельсовета появился плакат: «Есть своих детей-это ВАРВОРСТВО». А ОГПУшники начали репрессировать тех, кто пытался сказать хоть слово против коллективизации, или утаить продукты. Даже за малейший проступок, могли арестовать или даже расстрелять без суда и следствия. Целыми улицами арестовывали и мужиков, и женщин, и детей. По этапу пошли десятки сельчан.

Поздней весной тридцать третьего года померла наша мама, Мария Карповна.

Пришла Агашка вся в слезах и заголосила, – Вотька, (меня так все кликали), мамка твоя помёрла -

И тут со мной, что-то произошло.

– Зато она найдёт там, на небесах, Христинку, – вдруг вымолвил я, как будто и не было полгода немоты.

Потом я с трудом, но сел на лавке. Гася, во все глаза смотрела на меня. Потом неистово давай креститься и выскочила из хаты. Почти тут же в хату ввалились сначала её братья, а потом и крёстная. Они помогли мне встать и отвели в нашу хату.

В переднем углу, в кое-как сколоченном гробу лежала мама. Лицо её было спокойное, только очень худое. Казалось, что под кожей сразу был череп. Но моё внимание, почему-то привлекли её руки, нет, скорее, ногти на руках. Они были, как бы обособлены от рук и всего тела. Имели лилово-серый оттенок и были не гладкие и ровные, а какие-то рифленые. До сих пор у меня в глазах стоят только её ногти. Мы с отцом просидели возле гроба всю ночь.

На следующий день её похоронили. Помогали нам наши земляки: Крат с женой Маней, крёстный Забудько с кокой Леной и детьми, Брода с женой, Шарицкий. Не было Фомы Козина, жены Шарицкого, она то же умерла от голода, и ещё, у Броды умер сынишка. После похорон отец пошёл в сельсовет за справкой о смерти мамы, что бы на неё не начисляли продуктовые штрафы. В справке причина смерти была указана: от психического расстройства. Когда отец попытался сказать, что она умерла от голода, его выставили за дверь, а Рудь, который там был, гаркнул вдогонку,

– У нас, в СССР, нет голода. Это буржуйская пропаганда-.

Потом учитель рассказал, что работникам ЗАГСa запрещено было писать диагноз «от голода», максимум, что писали: «от истощения». Голод свирепствовал и забирал своей костлявой рукой все больше и больше народа.

IV

Дня через три после похорон, поздно ночью, к нам в дом пришёл Шарицкий с незнакомым мужчиной. Это оказался американский журналист Мэг Макколм. Он на свой страх и риск отправился по Украине и Поволжью с целью рассказать на западе о голоде в СССР.

А к нам они пришли вот по какой причине. Мэг работал, более десяти лет, журналистом в Европе, в частности в Париже. Там он познакомился через американских анархистов с Нестором Махно и его семьей: женой Галиной (Агатой) Карповной Кузьменко и дочкой Еленой, которую во Франции все звали Люси Махно. Семья была на грани развода и в 1927 году они все же расстались. После этого Макколм неоднократно встречался с Агатой, поддерживая более чем дружеские отношения, и она рассказала, что у неё в СССР остались две сестры, Мария, в Украине и Елизавета, живущая в Ленинграде. И Агата, перед отъездом Мэга в СССР, попросила его попытаться узнать, что ни будь, о её сестрах. Все это Мэг рассказал Шарицкому. Действительно: пути Господни неисповедимы. Оказалось, что наша мама в девичестве имела фамилию Кузьменко и была младшей сестрой жены Махно, а мой отец был двоюродный брат Нестора Ивановича. Вот так американский журналист узнал о судьбе не только сестры Галины, но и повстречался с родственниками Нестора Махно. Кроме того, оказывается, в Ленинграде он нашел и Елизавету, третью сестру. Мэг записал отцу ее адрес. Тогда и я узнал, что атаман Махно был моим двоюродным дядькой. Мужики всю ночь проговорили с американским журналистом о Махно, его жене, хоть и бывшей, о дочке Елене и о тетке Елизавете. Оказалось, что мы с Люси ровесники. Под утро мужики разошлись.

А через день мы узнали, что Шарицкого арестовали. Кто-то донёс на него, что он встречался с иностранным журналистом. Уже после войны я узнал, что нашего учителя расстреляли в тридцать седьмом году.

Не прошло и двух дней, как под вечер к нам прибежала Маня Крат. В то время она работала на почте,

– Левон, беда, – еле выдохнула она,

– Из района пришла телеграмма. Приказано тебя арестовать. Завтра приедет в село ОГПУшник из области, по твою душу. Надо тебе бежать. Я телеграмму ещё не отнесла Рудю, прямиком к тебе с почты прибежала. -

Отец послал меня до крёстного. Я опрометью сбегал за дядькой Николой. Отец все рассказал куму, на что тот сказал то же, что и Маня,

– Надо бежать-.

– Но куда? – спросил отец.

– На что жить в бегах? С Вотькой как быть? Его же не пощадят, если я его оставлю. -

– Бегите оба к москалям, там затеряетесь, – сказал Забудько,

– А насчёт грошей поступим так, – и они о чем то зашептались.

Мы с отцом быстро собрали не хитрый скарб, состоящий в основном из тёплой одежды и еды. Кума Елена то же принесла немного еды, хотя они, как и все голодали. Через полчаса мы с батей, были уже за околицей села. А через час Рудь матерился на всю «ивановскую», не найдя в хате отца и меня. Соседи в один голос утверждали, что мы сразу после похорон Марии собрали пожитки и ушли из села. Рудь, конечно не поверил, пригрозив напоследок нашим кумовьям, и пошёл докладывать в область, что Михненко Леонтий Терентьевич скрылся в неизвестном направлении со своим сыном Владимиром десяти лет отроду.

Вот так мы стали скитальцами.

Впоследствии я узнал, что Рудь все же дознался, что нас предупредила Маня Крат. Её и мужа арестовали. Крат был расстрелян, а Маня сгинула, где то в лагерях.

V

Мы направились в Александровск, ныне Запорожье в район Гуляй Поля, откуда был родом мой отец и вся наша семья. Если быть точнее, то направлялись мы в село Шагорово, ныне Марфополь, находившееся в семи верстах от Гуляй Поля, там была ткацкая фабрика «Революционная ткачиха», раньше это была мануфактура пана Шабельского. В усадьбе у этого пана до революции жили мой дед Терентий Родионович и его брат Иван Родионович – отец Нестора Махно. В девятнадцатом году комендантом Гуляйполя был Поликарп Махно, брат

Нестора Ивановича, он не допустил погрома усадьбы и мануфактуры. Управляющим тогда был Фима Кёрнер, у отца которого, Марка, работали мой дед и отец Нестора Махно, соответственно садовником и кучером. Семья у Кёрнеров была большая и если бы Поликарп, не заступился в своё время, то, скорее всего, всех их «порешили» бы анархисты или красные. А комендант Гуляйполя выдал мандат, по которому заводчики были персонами неприкасаемыми. Но продлилось их безмятежное существование недолго. В конце девятнадцатого года белоказаки гетмана всея Украины Скоропадского захватили Александровскую губернию и жестоко обошлись с повстанческой армией Махно. От побоев гайдамаков помер Поликарп. Досталось и Кёрнерам. В живых чудом остался только Фима. Вот к нему отец и направился вместе со мной.

Добрались мы без происшествий. Фима встретил нас радушно и приютил на первое время у себя. Он всё ещё работал на этой фабрике и как прежде был управляющим. На следующий день отец начал собираться в дорогу.

– Тятя, мы что, уже уходим?– спросил я,

– Нет, сынку. Мне на пару дней нужно отлучиться, а потом я вернусь – , сказал он, – Не бойся, я тебя не брошу-.

Ещё затемно отец отправился по своим делам, а мы, с Фимой плотно позавтракав, чем Бог послал, отправились на фабрику. Люди встречали Кёрнера с уважением и неизменно здоровались с ним по имени и отчеству.

Росту Фима был не высокого, даже не дотягивал до ста семидесяти сантиметров. Почти лысый, с большим еврейским носом, большими ушами и крупным ртом. Глаза были миндалевидной формы и на выкате. Не красив, но почему то, чертовски, обаятельный мужчина. Одет он был в цивильный льняной костюм серого цвета в редкую тонкую белую полоску. Белую косоворотку, льняной белый картуз и парусиновые штиблеты. Одна бойкая казачка со смехом, обратилась к нему

– Что же это Вы Ефим Маркович, вроде, как и не женаты, а дитя уже завели на стороне? -

- Так это сродственник ко мне с Полтавы приехал, а своих то у меня так и нет, – ответил он.

– Эх, Ефим Маркович, да только одно Ваше слово и любая коммунарка готова родить Вам хоть пятерых, а я так и самая первая буду, – проговорила она и звонко рассмеялась.

Управляющий немного смутился, но тоже дерзко и озорно смотря на казачку сказал,

– Ох Каллиста Андреевна, введёте Вы меня во грех-.

И мы пошли дальше. Предприятие было огромное, по территории ездили подводки, хаотично перемещались люди, наверное, с какой-то определенной целью. Из репродуктора звучали патриотические песни. Здесь голода почти не ощущалось, и люди были даже более приветливыми, чем у нас в Лютеньке. Фима делал ежедневный обход, и я волей-неволей обходил с ним цех за цехом. Везде было движение людей и всеобщий подъём. Было видно, что управляющий на своём месте. С кем бы он ни заговорил, все с серьезным видом отчитывались перед ним или обращались с вопросами и просьбами. Можно сказать, что Фима был крепким хозяйственником.

Отец вернулся через три дня, усталый, но в приподнятом состоянии.

– Теперь все будет хорошо, и мы отправимся в Ленинград, к твоей тетке Елизавете, – сказал он,

– Дождёмся пока Фима поможет нам с проездными документами до Ленинграда и отправимся в путь.

Но, если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Зря Фима брал меня на фабрику.

Из всех родственников Нестора Махно, мужского пола, пережили его, а он умер в 1934 году в Париже, единицы. Несмотря на большой род Махно. У Нестора было четыре старших брата: Поликарп, Савелий, Емельян, Григорий и сестра Елена. У моего отца не было ни сестёр,

ни братьев. Дед в молодости провалился под лёд на переправе, сильно застудился и с тех пор не мог исполнять мужские обязанности. Поликарпа убили гайдамаки. Савелия вместе с матерью в 20 ом году – белогвардейцы Деникина, а Григория в 19 расстреляли красные. Емельян погиб еще в первую мировую. Не щадили и детей родственников Нестора. Особенно досталось детям Савелия. Советская власть считала Махно врагом народа, и хотя «отец народов» объявил во всеуслышание, что дети за родителей не в ответе, тем не менее, все подвергались гонению. В том числе жена и дочь Нестора Ивановича после войны отбывали срок в лагерях. Жена – восемь лет, а дочь – пять.

В своё время, хлопцы повстанческой армии батьки Махно натворили много дел на Украине и не только там. Конечно, много осталось люда, который имел затаенную злобу на все семейство Махно. Желающих отомстить роду Махно было достаточно.

В общем, когда мы только добрались и поздним вечером пробирались до Фимы навстречу нам попался колченогий мужик, вместо одной ноги у него ниже колена была деревянная культя. Этого же мужика, я видел днём на территории мануфактуры. Мне ещё не понравилось, как он зло и пристально смотрел на меня. Как я потом узнал, это был сын старухи Ганны из деревни Моховка. В этой деревне жила мать Галины, жены Нестора Ивановича. Старуха Ганна выдала мать Галины красным. Красные не пощадили её и прямо перед хатой расстреляли. Когда Галина узнала, о казни матери и кто выдал её мать, то она с небольшим отрядом махновцев, ночью прискакала в деревню, выволокла Ганну на улицу, и лично зарубила ее шашкой. С тех пор сын Ганны вынашивал злобу на род Махно. И надо же, удача, один из родственников, хоть и в темноте, но он все же узнал моего отца, сам приплыл к нему в руки. Днём, увидав меня, он полностью убедился в этом. Дождавшись, когда из области вернётся начальник Александровского ОГПУ, он донёс на нас. Но как есть злые демоны, так есть и ангелы хранители.

За казачкой Калистой увивался этот начальник ОГПУ, а Калиста сохла по Фиме, хотя, что она в нем нашла? В общем, ОГПУшник каким-то образом проговорился, и Калиста не замедлила предупредить Фиму, а уже Фима моего отца. На сборы у нас были считанные минуты. Мы похватили свои пожитки, Фима сунул нам узелок, куда впопыхах наложил какой-то еды, и мы бегом кинулись прочь из села. Мы бежали всю ночь, я под конец еле передвигал ногами.

А что, спросите вы, было с Фимой? Фима был рождён точно под счастливой звездой Давида. Его сначала арестовали, но буквально через три дня выпустили. Помогло и то, что он был на хорошем счету у партийных органов, как сильный и практически незаменимый руководитель мануфактуры. С другой стороны Калиста поставила перед начальником карательных органов ультиматум: или Фиму выпускают, или начальнику ОГПУ не видать тело Калисты Андреевны как своих ушей.

Но везению все равно когда-то приходит конец. Фиму расстреляли, как и тысячи евреев, фашисты, во время оккупации.

VI

А мы с отцом, полностью обессиленные просто рухнули под кустом, на берегу какого-то ручья.

Жаркий весенний полдень. Возле ручья, в тени кустарника лежат двое. Сухопарый мужчина с длинными, почти до плеч, волосами смолисто-чёрного цвета и парнишка, лет десяти. Они спят. Это мы с отцом. Первым проснулся отец и сразу разбудил меня.

– Давай сынку перекусим и пойдём дальше. Надо ещё думать, как будем добираться до Ленинграда, – сказал он, и развернул узелок.

Там была краюха чёрного хлеба, бутылка молока и огромный кусок копченого толстолобика. Это все, что Фима успел положить нам в дорогу. Толстолобик был, такой жирный, что вся газета, в которую он был, завернут, просто промокла от жира. Мы накинулись на рыбу, потому что последний раз ели почти сутки назад. Отец отломил мне половину от краюхи, а

сам не стал, есть хлеб. Рыба исчезла в наших желудках в мановение ока. Чуть позже наступила жажда. А из питья только молоко.

– Молоко мы пить не будем, а то желудки наши выкинут все своё содержимое наружу. Воду из ручья пить то же опасно, она студёная и от неё может случиться заворотом кишок, – сказал отец, но немного погодя все же добавил,

– Я попробую немного попить из ручья. Если все будет хорошо, попьёшь и ты. –

Он припал к воде и жадно стал её пить большими глотками. Я испугался за отца

– Тятя, хватит, – вскрикнул я, но отец как будто не слышал.

Он пил и пил воду из ручья. Когда оторвался, на лице его блуждала блаженная улыбка.

– Какая она все же вкусная и сладкая. –

Я не решался пить воду из ручья. Минут через десять у отца начались первые колики, сначала он не придавал этому значения, но вскоре колики повторились и были гораздо болезненнее. Через полчаса он уже корчился от боли. В небольшие мгновения затишья болевых приступов он скороговоркой начал говорить,

– Сынку деньги у меня на поясе. Там же карта. Сбереги её. Адрес тетки Екатерины то же там. Прости сынку. –

Потом начались непрерывные боли, сопровождающиеся дикими стонами и криками отца. Я наблюдал все это и понимал, что ничем не смогу ему помочь. Он затих как то неожиданно. Выдохнул и его тело начало вытягиваться, как по струнке.

Я всю ночь просидел возле тела отца. Утром, пересилив себя, я все же снял с отца пояс. В нем лежали деньги, какая-то карта, золотые царские червонцы, драгоценности, две справки из сельсовета, выданные ещё Фомой Козиным, на моё и отца имя, и Ленинградский адрес моей тети Елизаветы Жак.

Я как смог, выкопал не глубокую могилку и похоронил отца там же на берегу ручья под кустом ракитника.

Ленинград

1981 год

I

Первый раз я посетил «Северную Пальмиру» в июне 1981 года. Не то что бы я мечтал посмотреть «белые ночи» (в Перми они почти такие же) и развод мостов. В те годы это не было таким культовым событием. Причина была банально проста, Ян Тивельман поехал в Ленинград за «товаром», и попросил меня подстраховать его. Отчего же не помочь человеку, к тому же вся поездка за его счет и плюс вознаграждение по итогам вояжа.

В день летнего солнцестояния, мы прилетели в Ленинград с моим товарищем, по имени Ян Тивельман, он был на два года старше меня, худощавым, чуть ниже меня ростом, с темными волнистыми волосами, типично еврейской наружности, хотя по паспорту он был «русский». С большими темно-кариыми глазами, и густыми, почти сросшимися бровями, не маленьким, орлиноподобным носом, под которым расположились пышные «бабаджаняновские» усы, тонкие губы и немного заострённый подбородок, завершали его портрет.

С трапа ТУ-134 мы сошли, как два иностранца: оба в джинсовых костюмах он в «Levi's, я» в «Lee». Оба в солнцезащитных очках под зелёными стёклами фирмы «Raiban», каплевидной формы, именуемой в народе «авиатор». В фирменных футболках и оба в кроссовках фирмы «Adidas». В общем и целом красавцы-мужчины. Из «Стаканов», так называли аэропорт Пулково местные жители, мы с шиком, то есть на такси, поехали в «Озерки», на проспект Энгельса, к знакомому Яна, Женьке Беляеву. Прилетели мы в пятницу, а на вечер воскресенья у нас были уже куплены обратные билеты. На работе не дали «без содержания», и мы рискнули за выходные успеть «затоварить» Яна «вельветом», то есть джинсами, юбками, куртками из вельвета. Этот материал был очень популярен в те годы и изделия из него на барахолке стоили

дороже, чем одежда из «джинсы». В общем, планы были такие: в субботу с утра в «Гостинку», после обеда в «Альбатрос» – это магазин в Ленинграде по типу московских «Берёзок», где так же можно было отовариться фирменной одеждой и электроникой за торгсиновские чеки и боны. В воскресенье днём культурная программа, а «вечерней лошадей», то есть самолетом, обратно в Пермь.

Мы приехали к Женьке около трех часов дня. Он жил с женой Ниной и мамой. Жена у него была на девятом месяце беременности и вот-вот должна была родить. По этой причине мы не стали обременять их своим присутствием, и побросав сумки, двинули в центр города. Метро было, буквально, через дорогу от дома и мы за двадцать минут доехали до центра, на станции «Невский проспект» вышли как раз возле «Гостинки».

Поднявшись на второй этаж галереи, где обычно тусовались фарцовщики, мы делали вид, что прогуливаемся. Народу было не много, так как был поздний полдень, и «барыги» уже в основной массе своей разбрелись по барам или попивали пиво на галерее. Надо сказать, что Ян был «рубаха парень» и везде и со всеми без особого труда мог наладить контакт. Так и здесь. Мы подошли к небольшой группе парней и девчонок и Ян как со старыми добрыми друзьями заговорил с ними, в момент, поддержав тему разговора.

Через пять минут мы со всеми перезнакомились и общались, как старые, добрые друзья. Парни потягивали пиво и Ян спросил,

– А где можно пиво зацепить?–

– Момент, – сказал кудрявый, как Анжела Дэвис, Равиль,

– Серега, – кликнул он парнишку, лет десяти, – Не в падлу, мотнись за пивком ребятам.–

– Да запросто. – отозвался он.

Ян сунул ему трешку, сказав, – На все, если доволочёшь, и себе зацепи что захочешь. –

Серега стартанул, а Равиль философски изрёк,

– Талантливый парнишка. Какие стихи пишет. С места может на любую тему сочинить, довольно приличный перл. Далеко пойдёт. –

Вот так, ни о чём, не подозревая, мы познакомились с будущим руководителем группировки «Ленинград», Сергеем Шнуром.

Мне сразу приглянулась одна темноволосая девчонка, со стрижкой «каре», чертовски похожая на Мирей Матье. Я даже описывать её не буду, чтоб не испортить своим корявым слогом, идеальный портрет французской певицы. Она была не одна. От неё ни на шаг не отходил здоровенный, белобрысый амбал, с кучерявыми, как у Иванушки из сказки режиссёра Александра Роу «Морозко», волосами. Но Лика, так её звали, выбрала момент и подошла ко мне сама.

– Привет -, проворковала она,

– У меня вельвета нет, но вчера из «финки» (так местные Финляндию называют) мне привезли партию немецких бесшовных лифчиков. Надеюсь, у тебя найдутся любительницы такого товара? Если возьмёшь партию, отдам с чисто символическим наваром, – и загадочно улыбнулась.

– Почему бы и нет, – с трудом от охватившего меня волнения, пролепетал я.

– Тогда запоминай. Улица Садовая, дом тридцать два, в доме, где «пышечная», вторая парадная, первый этаж на право. Завтра в десять утра, – сказала и словно танцуя, отошла к амбалу, который уже поглядывал на меня как бычок на тореадора.

П

Мы ещё часок покрутились по галерее и решили прогуляться по Невскому проспекту. К тому же, в Ленинграде жил и работал мой армейский друг Лёха Бурдин, или как мы его звали в армии «Школьник». Я чертовски хотел с ним повидаться. Мы с Яном направились в сторону Сенатской площади, где у памятника Петру-І, он и работал фотографом. Мы надеялись застать его там. И как говорить: «Предчувствие его не обмахнуло...», действительно, Лёха

охмурял туристов и склонял их к запечатлению исторического момента – посещению Медного всадника, путём получения фотографий на фоне вышеуказанного памятника.

Лёха росту был «метр с кепкой на коньках», а если точнее один метр пятьдесят шесть сантиметров. Его еле взяли в армию, но взяли. Круглолицый, постоянно улыбающийся, отчего глаза почти скрывались в набегающих морщинках. Плотненький мужчик в клетчатой рубашке, джинсах и кедах. На груди фотоаппарат с огромным объективом, за спиной огромный кофр, а в левой руке ещё и тренога. Вот в таком виде и встретил я своего армейского друга, с которым мы многое в армии повидали.

Лёха с радостным возгласом кинулся мне на встречу, едва не запнувшись о свой инвентарь. Мы немного потискались друг друга, мыча от радости, что-то нечленораздельное. Потом я представил его Яну, и мы решили не откладывая, обмыть нашу встречу. Алексей «закинул» свой инвентарь в киоск «Союзпечать», знакомой киоскерше и мы не спеша отправились фланировать по центру «северной столицы», хотя нет, в те времена её так ещё не называли. Наверное, будет правильнее сказать, что мы направили свои натренированные тела по улицам и проспектам «Колыбели революции». Прогулялись по Невскому, дошли до Аничкова моста, где Леха научил нас сходу определять, какие скульптуры коней-лошадей подкованы, а какие нет. Дело в том, что чуть дальше Невский пересекается с Литейным и Владимирским проспектами, на Владимирский выходит Кузнечный переулок, на котором располагались кузницы, где подковывали лошадей. Так вот, те кони, что идут в сторону Эрмитажа, уже подкованы, а те, что идут им на встречу ещё нет. В итоге, немного приобщившись к монументальным шедеврам культурной столицы, мы решили по-взрослому выпить и закусить.

С этой целью направились в ресторан с помпезным названием «Метрополь», который находился на улице Садовая. Это был один из старейших ресторанов. На первом этаже в вестибюле нас встречал швейцар, он же при необходимости и гардеробщик. После швейцара нас уже подхватывал метрдотель, и по старинной, с вытертыми ступенями, лестнице провожал на второй этаж, где на выбор предлагал пройти в банкетный зал, с программой варьете, или в более демократичный с разливным пивом и раками, «пивбар». Нам изыски были ни к чему, и мы направились на право, в более демократичную и привычную обстановку.

Пиво было отличное, холодное, не разбавленное в двухлитровых керамических кувшинах. Раки были донские, как говорил наш юморист Карцев: «Ну, очень большие раки, но по пять рублей». Мы взяли по кувшинчику и по десятку раков на брата, бутылочку коньячку и по порции шашлыка. Шашлык там подавали прямо на шампурах, украшенный овощами и зеленью. Одним словом устроили «пир горой». Мы великолепно сидели и вспоминали армейские годы. Лёха вспомнил, как мы намывали золото.

А было это так. Служили мы под Хабаровском, недалеко от станицы Корфовская, кстати, там похоронен, и я своими глазами видел могилу, гольд Дерсу Узола из одноименного фильма Акиры Куросава, получившего за эту картину «Оскара». Наша воинская часть находилась в Херцурском заповеднике, с трёх сторон её окружали сопки, а с четвёртой было огромное болото, которое перетекало на Китайскую территорию. Леха был картографом-секретчиком, а я делопроизводителем в продслужбе. В общем армейские «блатники». Как то летом решили мы сходить порыбачить на речку со звучным названием «Золотой ключик». Взяли удочки, ведро, тормозок с едой и пошли. День был солнечный, но накануне прошёл, дождь и земля была влажная. Переходя, через какой-то ручей, мы заметили звериные следы.

– Чьи бы это могли быть следы?– спросил Лёха.

– Наверно рысь. – сморозил я.

– Да, нет, следы рыси я видел,– сказал Лёха.

В общем, особо не заморачиваясь, мы пошли дальше.

И только через пару лет, уже на гражданке, смотря передачу «В мире животных», с нашим любимым ведущим Николаем Николаевичем Дроздовым, я увидел сюжет из Уссурий-

ской тайги, где показывали точно такой же ландшафт с идентичными следами животного. Николай Николаевич, своим неповторимым голосом, указывая на следы, добродушно вещал,

– А вот это следы уссурийского тигра. Он здесь прошёл не более получаса тому назад. –

Признаюсь, от этого откровения мне реально поплохело, не смотря на то, что я был у телевизора.

Вышли мы на берег речки как то неожиданно, и в это самое время солнце выглянуло из-за облаков. Мы встали, как вкопанные, все дно было усыпано золотыми песчинками и мелкими самородками, которые сверкали на солнце, и завораживая, манили к себе. Ощущение было такое, как будто я оказался в стране «Эльдорадо». Мне сразу вспомнился фильм «Золото Макеты». Не сговариваясь, мы кинулись в речку и стали пытаться собрать голыми руками самородки. Тогда мне реально стала понятна фраза: «Золотая лихорадка». Немного поостыв от первого потрясения морально и физически, потому что вода в речке была ледяная, мы выбрались на берег и стали разглядывать свой «улов».

– Так дело не пойдёт. Нужна лопата и сито, – сказал я и мы направились обратно в часть.

В итоге мы с Лехой намыли холщовый мешочек, килограмм так на двенадцать. Леха спрятал его в сейфе, у себя в секретке, а я взялся договориться с офицерами КИПа о переплавке песка в слитки.

Прапорщик Коваленко, из КИПовской лаборатории, прибыл в продслужбу за месячным довольствием. У нас с ним были хорошие отношения, основанные на коммерческих операциях с продуктами, и я решил попробовать договориться с ним о переплавке.

– Николай, ты не торопишься? У меня спиртик есть и балычок чаучи. Может, обмоем паек?– сказал я.

– Да запросто, – обрадовался тот.

Слово за слово, и я потихоньку подвел его к интересующей меня теме.

– Сможешь для меня кое-что переплавить?– спросил я.

Николай вдруг дико захохотал. А когда успокоился, шепотом спросил

– Золотишко намыл?–

Я побледнел, а он опять давай смеяться,

– Не ты первый, и не ты последний попался на этот фокус. А фокус в том, что это не золото, а сульфат железа или «ложное золото».

– На этом наше золотоискательство и закончилось, и мы остались с носом. – закончил своё повествование Алексей.

Это была дежурная версия для всех. А на самом деле мы намыли целый пуд золота. Николай сделал несколько слитков и развальцевал их под определенный размер. Мы с Лёхой на свой страх и риск запрятали это золото, в дембельских чемоданах. Расчет был на то, что солдатские шмотки особо проверять не будут, поскольку в каждой части были свои особисты, которым было поручено проверять солдат. Так и получилось, и мы привезли на гражданку по восемь кило чистого золота. Целый год мы искали канал сбыта. Реализовали на первый раз пять килограмм цыганам. Остальное золото, мы надежно спрятали до лучших времен, поскольку, в те времена, золото дорожало практически каждый год. Большую часть, вырученных денег, Лёха предложил, как сейчас бы выразились, сконвертировать в валюту. Чем он с успехом сейчас занимался в Ленинграде. Это был наш с Лёхой, маленький секрет. Впоследствии, большую часть заработанных мной денег, я пересылал Лёхе, а он закупал зеленые денежки с портретами Американских президентов.

III

Посмеявшись, мы продолжили вкушать шашлычок под коньячок, и присидели в «Метрополе» до самого закрытия. После чего, решили пойти поглазеть на развод мостов. Потом вдоль по Невскому проспекту дошли до лавры Александра Невского.

Спать не хотелось. Погода была великолепная, ночь – белая, мы – молодые. Не стовариваясь, мы продолжили наш променад. Вдруг Лёха говорит,

– Я знаю, куда мы направимся. На Стремянной улице есть великолепная рюмочная, туда частенько артисты заглядывают, после того, как закроют ресторан в Доме актера. -

И мы широкой шеренгой, направились по Невскому проспекту в рюмочную. Дошли до улицы Марата и свернули налево, затем направо, на Стремянную улицу.

Возле рюмочной было столпотворение. Рядом стоял «Луноход», так называли ментовский уазик желтого цвета с голубыми полосками вдоль борта, который сверкал своей «свето-музыкой». Звучала гитара и хрипловатый голос пел: «О-о-о-о, зеленоглазое такси...». Это пел Михаил Боярский. Не так давно вышел фильм «Д Артаньян и три мушкетера» и Боярский стал кумиром почти всего женского населения Советского Союза. Мы поспешили туда.

Вокруг Миши (может немного фамильярно, но в тот вечер, вернее ночь, все обращались к нему именно так) пританцовывали и подпевали десятка два молодых людей. На миг мне показалось, что я в кругу своих близких людей, но вскоре я понял отчего. Лица были знакомы потому, что я их часто видел на экранах телевизоров и кинотеатров. Здесь были Олег Борисов, Василий Ливанов, Николай Караченцов, Александр Абдулов, Олег Янковский. Такое обилие Ленинградских и Московских актеров сначала меня удивило, но потом все встало на свои места. Это были игроки знаменитого театрального матча по футболу, между московским «Ленкомом» и ленинградским театром «Ленсовета». Матч тогда закончился вничью. Мы «выставили» коробку шампанского за «победила дружба», и уже на равных влились в компанию Мельпомены.

Часов в пять утра народ начал разбредаться кто группами, кто парочками. Мы решили не беспокоить Беляевых, а пошли к Лёхе, благо он жил недалеко, на Пушкинской улице. Он снимал комнату, во дворе дома, где над аркой красовался довольно странный барельеф – голова лошади.

В девять утра мы были уже на ногах. После контрастного душа, мы выглядели свежо, жизнерадостно и были полны сил и энергии. Лёха пошёл к «Медному всаднику», Ян поехал к Беляеву за сумками, а я направился на Садовую, к Лике.

Время ещё было и я решил прогуляться пешком. По дороге, у метро Маяковская, я купил букет розовых пионов и в великолепном расположении духа, был на Садовой уже через двадцать минут.

Лика открыла почти мгновенно, как будто стояла за дверью.

– Привет, – улыбаясь сказал я.

– Привет, – то же улыбнулась она.

На ней была коротенькая вельветовая юбочка серо-стального цвета и легкая футболка. Мы прошли в комнату, Лика поставила цветы в вазу и сходила на кухню, чтобы наполнить вазу водой.

– Чай, кофе?-, спросила она, – Или что покрепче?-.

– Давай, наверное, покрепче, – сказал я.

Она достала из бара джин , налила джина на два пальца и плеснула в стаканы газировки из сифона. После непродолжительного молчания, вызванного поглощением джина, она положила передо мной пакет, где было штук пятьдесят бюстгальтеров. Оценив их качество, я спросил,

– Почему?– поинтересовался я.

– Если заберёшь все, отдам по червонцу , – улыбаясь, ответила она.

О такой цене и говорил Ян, когда объяснял порядок торгов.

– Идёт, если юбочку за «полтос» отдашь -, улыбнулся я.

Лика встала, непринужденно сняла юбку,

– Могу и майку в придачу отдать, – сказала, и не торопливо сняла её.

Кроме ажурных трусиков, на ней больше ничего не осталось. Я встал с дивана и подошел к ней. В голове у меня звучал старый шлягер:

«... У ней, такая маленькая грудь,
И губы, губы алые как маки,
Уходит капитан в далекий путь,
И любит девочку из Нагасаки...».

О, что она вытворяла со мной в постели. Да, да, я не оговорился, потому что инициатором всех этих балетных па, пируэтов, акробатических этюдов и немислимых поз из «Кама сутры», была Лика. Достоевский про таких барышень говорил:– «...С такой женщины я не слезал бы до декабря...».

Продолжалось это божественное безумие не меньше часа. Уставшие, но довольные, мы, наконец, выпустили друг друга из объятий. Отдышаться Лика мне не дала,

– Не расслабляйся, «Казанова», – шутливо проворковала баловница,-Вставай, а то с минуты-на-минуту должен мой Алёша Попович подойти.-

Уговаривать меня не понадобилось, потому, что встречаться с этим поповым сынкром не входило в мои планы. Я по быстрому оделся, допил оставшийся в стакане джин, подхватил пакет, нежно поцеловал Лику и направился к двери.

– В пакете мой номер телефона, звони, – проговорила напоследок это божественное создание, так и оставшаяся обнаженной, после эротической феерии, отчего ещё больше была похожа на французскую певицу.

Через год она уехала во Францию, куда перед этим переехала её семья. Судьба еще сведет нас, но позже.

IV

Ян уже ждал меня возле метро. Он сообщил, что Нина, Женькина жена, родила двойню. Близнецов назвали Шурик и Юрик.

Мы за полчаса добрались до «Альбатроса». Дав на лапу «халдею на воротах» трешку, мы зашли внутрь. Поглазев, для приличия, минут тридцать мы вышли наружу. И буквально тут же к нам подкатил прыщавый юнец и с комично-деловым видом осведомился,

– Че то ищем конкретное?-

–Вельвет. – в тон ему ответил Ян.

Прыщавый юнец, указал взглядом, на похожего в профиль на вопросительный знак, парня. Мы с Яном подошли к нему и заговорили на интересующий нас предмет, уточнили фирму, размер рубчика, цвет, цену и прочие детали. В свою очередь он поинтересовался о количестве, которое нам нужно, и готовы ли мы сегодня совершить сделку. На что Ян положительно ответил и предложил показать товар.

Гуня, так представился фарцовщик, предложил пройти в парадную ближайшего дома. Мы не возражали и направились туда. На углу к нам присоединился товарища Гуни, Толик, как он представился. На плече у него была не маленькая сумка, да и сам он был по всем показателям, «полу тяж».

Что-то щелкнуло у меня в мозгу, и я дал Яну «маяк», быть наготове. Печальный опыт «кидка» у нас с ним был в Москве.

Дело было зимой. Приехали мы в столицу за «штанами», так мы джинсы обзывали. Рома, который нам позвонил и предложил партию, пропарил нас «завтраками» и в концовке слился. Но Ян приехал с «капустой» и уже нацелился на гешефт. На удачу, решили поехать на Беговую. Немного покрутились и встретили мало знакомого барыгу, который пообещал за малую мзду свести нас с «серьезным человеком». Мы поехали на метро в Текстильщики, там зашли в подъезд жилого дома, на лифте поднялись на верхний этаж, прошли чуть выше на площадку и оказались у обитой дерматином двери с номером квартиры. Барыга позвонил. Мы минуты две ждали, затем из-за двери раздался сонный голос,

– Кто?-

– Серёга, это я. Клиентов привёл.-

Дверь открылась, на пороге стоял рыжий парень в домашнем махровом халате и тапочках.

– Че разорался,– буркнул он.

– Да вот, ребят штаны интересуют.-

– Я же сказал, по мелочам не беспокой меня. -

– Они не меньше десяти «пар» готовы взять. -

– Ты сначала светани джинсу.– сказал Ян, – А потом и про количество поговорим. -

Серёга ушёл, прикрыв дверь. Минуты через три он вышел и кинул Яну в руки пакет,

–На заценивай. -

Мы с Яном разглядывали строчку, zipper, лейбл. «Levi's» был знатный.

– По сто тридцать отдам, если десяток возьмёте, – сказал рыжий.

– А если двадцать возьмём, по сто десять отдашь?– спросил Ян.

– Нет, по сто двадцать,– сказал Серёга.

Ударили по рукам, Ян отсчитал бабло и передал деньги Серёге. Пакет с одной парой джинсов остался у нас, а Серёга пошёл за остальным товаром. Мы отсчитали «барыге» комиссионные, и он свалил. Подождали десять минут, потом ещё пять минут и начали звонить в дверь. На наши звонки никто не реагировал. Мы стали стучать, затем я в сердцах с силой ударил в дверь ногой, и она распахнулась. Нашему взору предстал коридор, оклеенный обоями, на полу постелен кусок линолеума, а в конце коридора был проём справа. Мы ринулись туда. За поворотом был сквозной проход на чердак соседнего подъезда. Вот так нас «кинули».

Так вот помня этот опыт, мы с Яном были готовы к непредвиденным ситуациям. Да ещё и «полутяж», зачем то передал Гуне сумку перед тем, как мы зашли в подъезд.

Гуня первый, я за ним, потом Толик и замыкал процессию Ян. В общем, когда мы не остановились между первым и вторым этажом, я был уже на взводе. Вступив на площадку второго этажа, я с короткого разворота впечатал пятку в челюсть «полутяжу». Не осознав ничего, он провалился в глубокий нокаут и плавно оседал на руки к Яну. Тем временем, чуть присев я провёл двойку в печень и челюсть Гуне, которую он удивленно подставил под мой кулак. Парень безмолвно осел, даже не охнув. Я сдернул с него обе сумки, и мы с Яном кинулись на улицу. Выскочив за угол, мы удачно поймали такси.

Садясь в машину, я бросил водителю,

– На Невский, к «Гостинке», шеф. -

Немного отъехав, я расстегнул первую сумку. Там лежали пакеты с вельветовыми штанами, пакеты с такими же рубашками, юбками, куртками. Заглянув во вторую сумку мы увидели ещё пакеты со штанами, несколько коробок с жвачкой, фирменные футболки и что-то по мелочам. Мы смотрели друг на друга, и не сговариваясь, я громко произнёс,

– Шеф, мы передумали, давай в Пулково.

Там мы купили билеты на ближайший рейс до Москвы, и уже оттуда до Перми. Все это я рассказывал в мастерской Владимира Леонтьевича, где мы в очередной раз попивали коньячок. Он от души смеялся над концовкой моего вояжа в Ленинград. Немного успокоившись от смеха, он налил в стаканы коньяка и мы выпили.

– Да, Ленинград. Как много у меня с ним связано -, сказал с грустью в голосе Махно.

УКРАИНА

Тридцатые годы

Александровка, Малиновка, Сталино (Юзовка)

I

–Помнится, я обещал рассказать, как добрался с Украины до Ленинграда, -сказал Махно,
– Только это было не просто, для этого мне пришлось пережить еще много приключений.
Так вот, слушай...

И мы перенеслись опять в Украину тридцатых годов.

Почти сутки я присидел у могилки отца. В моей голове был полнейший хаос: что делать, куда направиться, где взять еды? Все это усугублялось ещё и тем, что районы, особо подверженные голоду, были отцеплены заградотрядами. Справка, которая была у меня на руках от сельсовета, давала право передвигаться в пределах Сталино (ныне Донецкой) области, да и то, только с отцом, а отца уже нет. Деньги отец оставил, но воспользоваться ими открыто было равносильно самоубийству. Но как говорить: «глаза боятся, а руки делают», так и я направился в сторону Юзовки (это прежнее название Сталино), благо отец в, общем, рассказал в каком направлении нужно идти. Отцовский пояс я тщательно спрятал на себе, оставив немного мелочи. До села Малиновка я дошёл только на следующий день. В этом селе жили родственники моих крёстных, и они неоднократно бывали у них на троицу, что бы в родительскую субботу посетить кладбище, где была похоронена мать коки Лены.

Хату семьи Проценко я нашёл только к вечеру. Дядька Филипп и тетка Лукерья встретили меня не приветливо. Они, как и все, голодали. Этот взгляд измученных глаз, окружённых темными кругами, не просто говорил, а кричал и стонал от голода. Не знаю почему, но я не стал рассказывать о том, что мы бежали от ОГПУ и что отец мой умер. Я рассказал, что мама и Христинка померли, и мы с отцом решили пойти на заработки в Юзовку. Отец задержался у Фимы на фабрике ещё на пару дней, а меня отправил вперёд, чтоб я его у них дождался. К своим словам я добавил и деньги, которые достал из кармана и спросил, можно ли на них что-то купить из еды. Дядька Филипп, схватил деньги, и ни говоря, ни слова вышел из хаты. Вернулся он вскорости, и принёс литр горилки. А тетка Лукерья собрала на стол, что Бог послал. Поев, я спросил,

– Куда мне можно лечь, я еле держусь на ногах-.

–Ложись на лавку у печки,– сказала тетка.

Хоть я и устал, но сон никак не шёл. И еще, что-то меня тревожило, что-то настораживало. Может это мне казалось, но взгляды, которые на меня, порой, устремляла тетка Лукерья, меня реально пугали. Вскоре сон все же одолел меня.

Но среди ночи, меня как будто что-то толкнуло и я открыл глаза. Стояла ночь. За занавеской, где стояла хозяйская кровать, слышался шёпот тетки Лукерьи,

– Чего разлётся, пьянчуга. Скоро рассветет, как будешь перетаскивать его в сарай?-

Дядька Филипп, что-то не членораздельно пробормотал.

–Опять все придётся самой делать, – пробурчала его жена.

Меня охватил дикий ужас. Было известно много случаев людоедства, и видимо Проценко тоже грешили этим. Я как мог тише, сполз с лавки, на которой спал, и тихо, тихо пополз к двери. За шторкой слышалась, какая-то возня и шёпот Лукерьи,

– Нашёл время, когда приставать. Что вдруг тебя приспичило, охальник-, уже кокетливо шептала жена Филиппа.

Я воспользовался моментом и выскользнул в дверь. Пулей проскочив через двор, и перемахнул через плетень, бросился наутёк. Я бежал и плакал, от страха, от обиды на свою судьбу, так резко превратившую мою спокойную жизнь в гонку на выживание.

П

Через четыре дня я все же добрался до пригорода Юзовки. Эти дни я почти ничего не ел, и спал, где придётся, пару раз попал под дождь, был измождён, одежда на мне кое-где была разорвана. В общем, классический вид беспризорника. Моей целью был железнодорожный вокзал. Откуда я планировал отправиться в Ленинград. Почти наугад, но иногда интересуюсь

дорогой к вокзалу у прохожих, которые шарахались от меня, я почти достиг цели. И не мудрено, вокзал находился совсем рядом.

Но тут путь мне преградили четверо подростков, примерно моего возраста, и такие же тощие и чумазые.

–Эй, «фраерок», топай сюда, – гаркнул один из них.

Я неспешно подошёл.

–Не местный?– спросил тот же пацан.

–Нет, я с Гуляйполя, – почти правду сказал я.

Дальше разговор пошёл своим чередом: почему здесь, почему один, есть кто здесь знакомые? Я рассказал, как есть.

–Жратва или гроши есть? –, поинтересовался все тот же парнишка, который назвался Михалик.

–Еды не видел уже два дня, а гроши трошки имею, – сказал я и вынул из кармана пятирублевку, которую заранее извлёк из отцовского пояса.

–Ух ты, где взял?– спросил Михалик.

–На паперти, какой-то буржуй расщедрился, – соврал я.

–Пошли к спекулянтам,– сказал все тот же парень, и мы направились по «прошпекту», как сказал Рудик, на базар. Там другой парнишка, по имени Мурат (явно гречонок), взяв пятерку, уверенно направился к какой-то бабенке, и они скрылись в подворотне. Минут через десять, Мурат, уже с котомкой на плече, радостный и вприпрыжку, появился возле нас.

Михалик, на правах «старшего», повёл нашу компанию в укромное место, где мы смогли спокойно поесть. Расположились мы на первом этаже заброшенного дома. Тут надо бы описать всю «честную компанию».

Михалик, оказалось, что это его фамилия, а звали его Никола, был парнишка крупный, но, как и все мы тощий. Говорил он как то смешно, при разговоре постоянно высовывая кончик языка. Одет он был, если это можно назвать одеждой, в рваный пиджак на два размера больше, с подвернутыми рукавами. Какие-то полосатые штаны, и на ногах резиновые, но то же дырявые калоши.

Мурат был не высокого росточка, с чёрными кучерявыми волосами, как у цыганёнка, и темными, навывкате глазами. Одет он был в штаны и рваную вышиванку с оторванным наполовину одним рукавом и невероятно грязную.

Двое других были белобрысые братья близнецы Рудик и Савва. У Саввика был вздутый живот, разбухший то ли от голода, то ли от глистов, а Рудик картавил. Вот и все различие между ними. Из одежды на них были какие-то лохмотья на босу ногу.

Вот в такой компании я и очутился. Михалик, по-деловому поделил часть еды между нами, а остальное засунул обратно в котомку. Поев и разомлев на солнышке я, как и остальные, задремал. Из объятий «Морфея» меня вернул крик Савки,

– Шухер, менты!–

С дико раскрытыми глазами я вскочил, но никак не мог сообразить, что же мне делать. Так соляным столбом я и стоял, а пацаны, как горох рассыпались в разные стороны. И тут я услышал,

– Не дрейфь, босяки, свои-, сказано это было с каким то легким акцентом.

Я повернулся на голос, и увидел двух мужчин. Один из них был тот самый американец Маккольм, который приходил к нам в хату, в Лютеньке, и рассказывал о Махно и его жене с дочкой. Он меня не узнал, да и не мудрено. Вид у меня был ещё тот. Зато он выглядел, как настоящий буржуй, одет, что называется «с иголки». Под стать ему был и второй мужчина. В руках у него был саквояж, а у Маккольма, объемный вещмешок. Первый появился Никола,

– А, это вы, «буржуи милосердия», – сказал он, и пояснил для меня,

– Это американцы, они маскируются под работников «Красного креста». Только ихней организации разрешено находиться в городе, остальных сразу объявляют шпионами и арестовывают. Они нам помогают продуктами. -

Тут нужно пояснить. Второй советский голодомор 1932-1933 годов всячески замалчивался, а районы его распространения были оцеплены заградотрядами. Это делалось, чтобы не допустить беженцев в большие города и на индустриальные стройки, где работало много иностранных специалистов, в том числе и американцев. От них и других иностранных граждан информацию о голоде скрывали всеми возможными способами, и ни о какой помощи голодающим даже и речи не могло быть. За редким исключением допускали Международный «Красный крест».

Мэг, ещё в голод двадцатых годов, оказывал помощь на территории Советской России и Малороссии. Помощь оказывалась от «Американской администрации помощи» (American Relief Administration), которую возглавлял в то время, будущий президент США Герберт Гувер. А в этот раз, Макколм, под видом сотрудника миссии «Красного креста», находился на территории СССР. На самом деле он освещал для европейских газет реальную ситуацию с голодомором. А так же, по мере возможности, вместе с сотрудниками миссии «Красного креста», оказывал всестороннюю помощь беспризорникам. Вот так, неожиданно, нежданно, я встретил Макколма, человека для меня знакомого, и можно сказать, почти родню.

Я подошёл к нему и сказал,

– Вы не узнаете меня? Я, Володя, сын Левона Мехненко -.

Он пристально взгляделся в меня, потом с нескрываемым удивлением произнёс,

– Владимир. Что случилось? Почему ты здесь? Где Леонид? – вопросы сыпались и сыпались, а я вдруг заплакал горько, навзрыд, безостановочно, с всхлипами и подвыванием.

Он прижал меня к себе, и как мог, пытался подбодрить. Успокоившись, я рассказал, как после его ухода, арестовали Шариатского, как потом пришла из области телеграмма на арест отца, как мы бежали к Фиме, в Гуляйполе, как вскоре нам пришлось бежать и оттуда. Рассказал, как умер отец, как меня чуть не съели Проценко, и как, в общем, я очутился здесь.

Выслушав меня, все долго молчали.

Первым изрёк Михалик,

– А кому сейчас легко? -

Обстановка разрядилась.

Второго мужчину, звали Луи Селин, он был француз. К тому же он был врач, и как потом ещё оказалось и писатель. Он дал Савику, какие-то порошки, намазал мазью и забинтовал ногу Мурату. Из вещмешка они достали банки с американской тушенкой, хлеб и мешочки с крупой. Михалик, деловито, по взрослому, поблагодарил «миссионеров» за помощь, и велел Савке все убрать в тайник.

Макколм сказал, что меня здесь не оставит, что я пойду с ними и он обо мне позаботится. Я попрощался с пацанами, и мы с Магериджем и Луи, отправились к ним домой.

III

Миссия «Красного креста» располагалась не далеко, в доме, фасад которого, был выполнен из красного кирпича. *«Крыша покрыта железом, выкрашенным в зелёный цвет. Верхняя часть крыши была увенчана узорчатой чугунной решёткой. За домом был большой сад. Особняк был огражден забором из дикого песчаника. В заборе были деревянные ворота, обрамленные прямоугольной аркой из кирпича. Перед фасадом дома были разбиты клумбы с цветами и проложены дорожки из камня. Особняк был построен из кирпича розовато-алого цвета. На втором этаже был балкон, ограждённый фигурной решёткой. На балконе также были колонны. Окна были большие, прямоугольные. Верхние своды окон были украшены прямоугольными узкими выступами. Двор был замощён брусчаткой. Во дворе располагались цветочные*

клумбы, фонтан и беседки. Беседки были увиты диким виноградом. С балкона второго этажа был, виден весь посёлок Юзовка».

Нас встретил охранник, Ивар, поинтересовался про меня и пропустил внутрь. В доме Селин позвал служанку Марту, и поручил ей приготовить для меня ванну и чистую одежду. Маккольм проводил меня в комнату, и сказал, что здесь я буду жить. Он собирался уходить, но я попросил его задержаться, и достал, спрятанный на мне пояс с деньгами и документами. У меня никого не осталось из родных, а с этим богатством, я сам ничего не смог бы сделать. Поэтому я решил довериться Магериджу. Передавая их, я сказал,

– Это все, что у меня осталось от прежней жизни. -

– Не беспокойся, я все сохраню. – сказал он.

Вскоре пришла Марта. Она проводила меня в комнату, отделанную зеркалами и мрамором. Посреди стояла большая лохань, то же мраморная (потом я узнал, что это ванна). Марта рассказала и показала, как пользоваться водой. Про мою одежду, поморщившись, она сказала,

– Все брось в угол, потом сожжем. -

Она указала на табурет, на котором лежала чистая одежда,

– Это для тебя, – сказала и ушла.

Такого великолепия я никогда не видел. Наверное, с полчаса, я ходил по этой комнате, и с интересом все разглядывал. Затем, забравшись в ванну, я погрузился в тёплую воду и ощутил себя на «седьмом небе». Это было истинное блаженство. Помывшись, я ополоснулся чистой водой, насухо вытерся, и оделся в новую одежду. Одежда была, конечно, не новая, но чистая и отглаженная. Рубашка, брюки, носки и парусиновые штиблеты. Я посмотрел в огромное зеркало. Оттуда на меня смотрел худющий парнишка, с впалыми глазами и с торчащими в разные стороны волосами. Я взял расческу и попытался причесать непослушные длинные, темные волосы. С трудом, но мне это удалось.

Вышел я из ванны, как «новая копеечка».

– Совсем другое дело, – сказала Марта, – А то я уж подумала, что дьяволёнка, или чертенка подобрали наши господа, – и засмеялась.

Она была родом из Германии. Симпатичная, в меру упитанная фройлян, лет двадцати пяти. Записалась добровольцем в «протестантскую благотворительную организацию Германии» в 1931 году, и сразу же уехала в нейтральную Швейцарию. Там она записалась добровольцем в Международный «Красный крест» и таким образом оказалась в СССР. Была она приветлива и добродушна. Следила за порядком в особняке, закупала продукты, вернее принимала те продукты, которые доставляли курьеры из торгсина, и давала распоряжения кухарке.

Маккольм строго запретил мне покидать особняк, и я целыми днями изучал его помещения. В доме насчитывалось 16 комнат. Некоторые из них имели вид парадных залов (гостиная, столовая, бильярдная). Обнаружив библиотеку, я допоздна засиживался там, зачитываясь книгами о путешествиях великих мореплавателей. Заметив это, Марта спросила,

– А иностранные языки ты знаешь?-

Я ответил, что нет, тогда она предложила научить меня немецкому языку, и мы почти все её свободное время посвящали этому предмету. Через месяц, я уже сносно мог «шпрыхать» на немецком языке, с баварским, как утверждала Марта, акцентом. Мужское население особняка почти не бывали в доме, порой пропадая на целые недели. Кроме нас с Мартой в доме находился охранник, эстонец по имени Ивар и молоденькая повариха Оксана, которая была, как и я, сиротой и миссия разрешила ей постоянно проживать в особняке. Было ей лет 18-19, но была она не по возрасту бойка и расторопна. Ко всему прочему она с удовольствием училась у Марты кулинарии, и постоянно удивляла своими кулинарными изысками. Вот в таких условиях и проходило моё пребывание в особняке.

Этот особняк принадлежал до революции промышленнику англичанину по фамилии Юз. Кстати от этой фамилии и пошло старое название посёлка, а в, последствии, и города Юзовка.

Ещё до революции Юзы уехали в Англию, и в дом заселился их новый управляющий Адам Александрович Свицын и прожил в доме до 1918 года, пока красные не национализировали фабрику. После него, на свою беду, в дом заехал с семьей Чумак Иван Васильевич, казначей повстанческой армии Махно. Заехал он в дом с мандатом от самого Нестора Ивановича. Но, в том же 1918 году, когда Юзовку захватили войска гетмана Скоропадского, попал в плен вместе с семьей. Гайдамаки гетмана, Всея Украина, отличающиеся особой жестокостью, зверски расправились не только с ним, его семьей, но и со всей челядью, проживавшей в доме. Женщин перед смертью зверски насиловали, а челядь по одному вешали во дворе. Самого Ивана Васильевича пытали и издевались над ним не один день. В конце концов, не добившись от Ивана Васильевича нужных им сведений, а именно, где спрятана полковая казна Махно, отрубили ему голову, и водрузили её над воротами. Тело его, больше недели, лежало не захороненное, а челядь и родня висели по всему двору. Когда в город вошли красные, и они (сами не ангелы), но ужаснулись такому зверству.

Эту историю, как то на ночь, рассказал нам охранник-эстонец, добавив в конце,

– Вот неприкаянные души и бродят с тех пор по особняку.-

Мы с Оксаной перепугались, а Марта отругала Ивара за такие побасенки и запретила впредь рассказывать, что либо, подобное. Но зерно страха уже попало в детские, неокрепшие души и вскоре дало свои «всходы».

Я строго соблюдал наказ Маккольма, не выходить в город. Была в доме не широкая короткая пологая лестница, которая спускалась во двор с каменными дорожками и цветущими клумбами, куда я мог выходить беспрепятственно. В дальнем конце двора была беседка, и мои новые знакомые-беспризорники, захаживая на территорию особняка, располагались там. Я нередко выпрашивал для них, у Оксаны, немного еды и тогда мы долго сидели с пацанами и делились своими новостями. Порошки, выданные Селин, Савику, помогли и его, прежде огромный живот, впал внутрь, как и положено голодному беспризорнику. Я особенно сдружился с близнецами, и они чаще других захаживали ко мне. Однажды я рассказал им историю, что поведал охранник. Пацаны сначала, как и я, испугались, и стали неистово креститься. Но чуть позже Савва предложил подкараулить эти привидения. «Дурное дело не хитрое», и мы договорились в эту же ночь заступить на дежурство.

Когда в доме все улеглись, я тихонько впустил в дом близнецов. Мы прошли в библиотеку и спрятались за огромным секретером, стоявшим в дальнем углу комнаты. Как и положено, во всех страшных историях, ровно в полночь, что-то тихонько щёлкнуло, и один из стеллажей, бесшумно пополз в сторону. Оттуда сначала появился слабенький луч света, а затем что-то огромное, бесформенное, и как нам показалось, парившее в воздухе. Тусклый луч света освещал эту бесформенную глыбу, как то снизу, и от этого чувство, что ЭТО парит в воздухе, усиливалось. Мы дрожали, как осинового листочки, и еле сдерживались, чтоб не закричать. А эта масса переместилась через библиотеку, и скрылась в боковой двери, ведущей на лестницу. Эта лестница вела и на второй этаж, и в жилые комнаты, и в цокольный этаж, где находились кладовые и подсобные помещения. Предположить, куда ОНО направилось, мы не решались. Я взглянул туда, где были пацаны, ничего видно не было, только мелко, мелко стучали, чьи-то зубы.

Наше оцепенение продолжалось минут пять. После чего Савка сказал,

– Пора ноги делать!-

–Нет, – ответил Рудик, – Я до рассвета не двинусь с места. -

Так мы просидели около часа. Вдруг из боковой двери опять появилось свечение, а затем «глыба ужаса». Оно так же проследовало к стеллажам, как мне показалось, до чего-то дотронулось, затем опять что-то тихонько щёлкнуло и стеллаж, так же тихо, отъехал в сторону. Нечто шагнуло в проём и пропало, после чего стеллаж опять встал на своё место. Мы непроизвольно все разом выдохнули и немного расслабились.

– Что это было? – первым заговорил Савик.

– Че, не понял что ли, привидение. – отозвался Рудик.

– Нет, это был живой человек. – уверенно сказал я.

Мы ещё немного поспорили на эту тему и договорились завтра встретиться в саду и все подробно обсудить.

Я выпустил пацанов на улицу, и сам тихонько направился к себе в комнату. Проходя мимо комнаты Магды, я заметил полоску света, выбивающуюся из-под двери.

IV

На следующее утро я отправился в библиотеку. Внимательно изучая тот стеллаж, который ночью совершал манёвры, вначале, я ничего не заметил, и стал уже на ощупь обследовать все выступающие элементы шкафа. Вдруг один вензель поддался повороту по часовой стрелке, и стеллаж бесшумно скользнул в сторону, открывая за собой довольно большой проход. Он тянулся метра на три, а затем поворачивал вправо. Пока я разглядывал проём и думал, куда он может привести, опять, что-то щелкнуло, и стеллаж встал на своё место. Я понял, что одному мне не под силу, разобраться с этой загадкой.

Дождавшись полдня, я вышел в сад. Там уже была вся «честная компания» (с ударением, в слове «честная» на «а»). Я сразу рассказал им о секрете стеллажа. Пацаны призадумались, а Михаилк говорит,

– Надо кому-то идти внутрь, а ты, Вотька, останешься на стреме и через определенное время откроешь стеллаж, чтобы впустить нас обратно. Но надо это сделать днём. Ночью я и под расстрелом не пойду. -

На том и порешили. Операцию назначили на воскресенье, потому что Марта и Ивар, по воскресеньям ходили в католическую церковь, а Оксана брала выходной. Малькольм и Селин были в отъезде.

В назначенный час я впустил Михалика и Мурата в дом. Мы прошли в библиотеку, я зажег, приготовленную керосиновую лампу, вручил её Мурату, и повернул вензель. Стеллаж отъехал. Мурат с Михаликом перекрестились и шагнули в проём. Мы договорились, что через полчаса я снова открою проход. Пацаны скрылись за поворотом, а стеллаж встал на своё место. Я приготовился ждать, но вдруг стеллаж начал отодвигаться. Я вскочил, предчувствуя, что-то недоброе. Но в проёме стояли мои друзья.

– Айда с нами, там за поворотом есть рычаг, который открывает дверь. – сказал Никола.

И мы втроём, пустились на поиски чего-то неопознанного и таинственного. Через десять минут ходьбы, мы оказались у железной двери, с колесом по центру. Повернув колесо, мы навалились на дверь, и она плавно отворилась. За дверью был бетонный бункер. Возле стен стояли ящики из-под оружия, пулемёт, коробки с американской тушёнкой, коробки с галетами и много ещё чего. Я даже присвистнул,

– Вот это, да! –

Михалик по-деловому осмотрелся, и изрёк,

– Да тут оборону можно держать! Только вот от кого? -

Оставив думки на потом, мы решили продолжить обследование, и понять, есть ли ещё другой выход? Помещение было не маленькое и состояло из нескольких комнат. В одной из комнат обнаружилась ещё одна дверь, но опять с секретом. Немного поискав, мы нашли потайной замок. Нажав на него, дверь отползла в сторону, и открылся новый проём, который вёл, судя по запаху, в канализационный коллектор. Отыскав секретный замок снаружи, мы смело устремились вперёд.

За стенкой, что-то шумело. Мы немного прошли почти по сухому коллектору, и увидели яркий дневной свет. Дойдя до края, мы увидели, что находимся на берегу речки. Что бы понять, куда все же выходит коллектор на местности, мы разделились. Мурат вышел наружу, а мы с Николой, вернулись обратно, в подземный в бункер. Решение, более внимательно, осмот-

реть другие помещения возникло само собой. Одно помещение было закрыто, и попытки найти потайной замок не приносили результатов. Мы уже отчаялись в своих попытках, и Михалик со злости, топнул ногой. Вдруг, что-то заскрежетало, и площадка под нашими ногами стала уходить вниз, открывая небольшое отверстие в стене, при этом дверь оставалась на месте. Мы в изумлении смотрели на это отверстие и не понимали, что произошло. Никола, набравшись смелости, заглянул внутрь и подсветил фонарем.

– Там, сбоку, какой-то крюк торчит, – сказал он.

– Попробуй потянуть за него, – предложил я.

Никола последовал моему совету. Где-то внутри прозвучал щелчок, и непослушная дверь поползла в сторону. В слабом свете, нашей лампы, мы увидели комнату, заставленную ящиками. С опаской войдя туда, мы первым делом попытались найти потайной замок, чтобы не остаться замурованными в этом каменном мешке. Но не могли найти даже намека на замок. Тогда Михалик остался снаружи, а я приступил к изучению содержимого ящиков. Открыв наугад ближайший ящик, я чуть не вскрикнул от неожиданности. Ящик был полностью заполнен золотыми монетами. В следующем, были украшения из золота и драгоценных камней. Третий ящик был наполнен какими-то бумагами. Меня осенило. Я понял, что это та самая полевая казна Батки Махно. Я вышел из комнаты, дав возможность Михалику, удовлетворить свое любопытство. После осмотра содержимого ящиков, он вышел из комнаты с выпученными глазами. Немного придя в себя, мы стали думать, как закрыть дверь. Первым сообразил Никол. Он протянул руку в нишу в полу и потянул рычаг на себя. Дверь послушно встала на свое прежнее место. Осталась еще одна проблема, как закрыть нишу в полу?

– Помнишь, как она образовалась? – спросил я.

– Да, я топнул ногой от злости, – сказал он.

И мы, как сумасшедшие, начали топтать ногами. Через пять минут безуспешных попыток, мы выбились из сил. И тут случилось чудо, Никола опять, от злости, топнул ногой, и ниша начала подниматься вверх.

– Как ты это делаешь, – удивленно прошептал я.

– Не знаю, – так же шепотом ответил он.

Я начал внимательно осматривать, то место, куда топала нога Николы. В одном месте, возле самой стены, я заметил чуть-чуть выступающий из пола, незаметный кирпич. Ощупав его со всех сторон, я попытался нажать на него. И он едва заметно ушел в пол. В следующее мгновение, плита в полу опять поползла вниз. Немного подождав, я опять нажал на кирпич, и плита вернулась на прежнее место. Выдох облегчения вырвался у нас одновременно.

Возвращаясь в дом, мы наперебой делились друг с другом, увиденным в ящиках. На полпути я остановился и сказал,

– Никола, давай поклянемся никому не рассказывать, то, что мы увидели. Пусть это останется нашей тайной. -

– Что, даже пацанам не расскажем? – спросил Михалик.

– Никому. Я боюсь, что знание о существовании этих сокровищ, может повлечь большие беды и несчастья, – грустно, но уверенно и твердо, сказал я.

– Зуб даю, – серьезно и по взрослому поклялся Михалик.

– Клянусь памятью моих родителей и сестренки, – не менее торжественно произнес я.

Вот в таком серьезном виде, мы и вернулись в дом.

Там я отнёс лампу на место, и мы вышли в сад. Близнецы от нетерпения не находили себе места, увидав нас, кинулись на встречу. От нашего, не полного рассказа, у них глаза на лоб повылазили. Начали сыпаться разные предположения, одно фантастичнее другого. Немного поостыв, мы стали ждать Мурата.

У

Он пришёл только через два часа.

– Пацаны, в городе облавы. ОГПУшники свирепствуют. Всех «подпоясанных» «заме-тают», – рассказал Мурат.

Поясню: после революции «подпоясанными» стали называть сначала офицеров, а потом и всю интеллигенцию. Оттуда пошло и слово «распоясался», им называли в основном бандитов и анархистов. Это был у них такой «форс», ходить в шинели или пальто без портупей и пояса.

– Разберутся, ты лучше расскажи, куда подземный ход вывел-, сказал Михалик.

– На речку Скомарошку (нынешняя Бохмутка), – ответил Мурат.

Мы услышали, какой то шум в особняке. Я сказал парням, чтоб они сидели тихо, а сам пошёл в дом.

В доме были Ивар и Марта. Они о чем-то оживленно беседовали, но увидав меня замолчали.

–Владимир, – сказала Марта,– из дома ни на шаг! Власти что-то задумали не ладное. В городе аресты, на окраинах стреляют. -

– Не беспокойтесь, Марта, я кроме сада, никуда не выхожу, – сказал я и отправился обратно в сад.

Там я рассказал, что услышал от Марты и посоветовал им остаться на ночь у нас в саду, благо ночи были тёплые. Вечером я выпросил у Оксаны немного еды, взял «керосинку» и направился к пацанам. Мурат, ещё раз сделал вылазку в город и рассказывал последние новости. Оказалось, что ОГПУшники ищут каких-то иностранных журналистов.

– Все ОГПУ стоит на «ушах», – сказал он.

–А с этого места, поподробнее, – услышали мы голос Ивара.

Парни сначала хотели бежать, но Ивар изловчился и загреб сразу обоих близнецов.

– Не дрейфь, басота, – сказал он, – Я вас не первый день в саду вижу. Хотел бы, так давно уши надрал, – добродушно сказал охранник, – Лучше расскажи, откуда знаешь про журналистов?– обратился он уже к Мурату.

– Так спекулянтка одна трепалась, ей хахаль её рассказал, что про голод в Украине стало извечно за границей. Так «мусора» и «огпушники» землю носом роют, ищут шпионов, – выпалил гречонок.

–А вы хлопчики, чьи будете?– обратился он к близнецам.

–А мы сами не местные, нас с Эстонии судьба сюда закинула. У отца мельница своя была, вот сельчане и упростили его продать излишки муки в Советскую Россию. Поехали мы всей семьей и два дядьки ещё с нами были. Только не доехали. Под Псковом напали лихие люди на наш обоз и всех перестреляли. Как мы остались живы, одному Богу известно. В общем, помыкались мы, натерпелись. А как ноги сюда вывели, сами не поймём, – ответил Савик.

–Так мы земляки, я то же из Эстонии, обрадовался Ивар, и перешёл на эстонский. Рудик с радостью подхватил родную речь и они особнячком стали болтать (наверное, о жизни).

Глубокой ночью я проснулся, от какой-то возни в доме. Выйдя из своей комнаты, я понял, что вернулись Магеридж и Луи. Маккольм увидав меня, поманил к себе и сказал,

– Володя, если вдруг тебя кто-либо спросит, скажи что всю неделю, мы с Луи, были дома и почти никуда из дома не отлучались. Это очень важно.

–Хорошо, другого ответа от меня не услышат, – серьезно сказал я.

VI

– Твои подозрения, Володя, в отношении Проценко, были не беспочвенны, – сказал американец,

–Мы были в Малиновке. Местные жители рассказали нам, как неделю назад в селе пропал мальчонка. Раньше, то же были случаи пропажи детей, но в этот раз пропал сынишка председателя сельсовета. Мать, потеряв сына, бегавшего во дворе, сразу кинулась в сельсовет, а там как раз прибыл отряд красноармейцев за очередными поборами сельчан. Отец мальчонки,

взмолился и упросил командира прочесать близлежащие хаты. Командир поднял солдат по тревоге, и они принялись прочёсывать хату за хатой. И вот, в хате Проценко они наткнулись на жуткую картину. В сарае лежал уже обезглавленный малец, а жена Проценко орудовала над трупиком кухонным ножом. В углу, с бутылкой горилки сидел сам Проценко. Солдаты выволокли их во двор. Сбежавшиеся сельчане накинулись на людоедов, и в буквальном смысле порвали их на куски. Потом в сарае нашли закопанные головы ещё шестерых детей. Так что, Володя, считай, что тебе повезло. -

Меня передернуло от мысли, что не проснись я, в ту ночь, такая же участь ждала бы и меня. Всю ночь я слышал, что домочадцы не спят. Кто-то ходил, что то передвигали и волокли по полу. Постоянно слышались приглушённые голоса.

Утром, опять упросив Оксану дать немного еды, я выбежал в сад к ребятам. Перекусив, они все же решили пойти и выяснить обстановку.

Зайдя в дом, я пошёл в библиотеку, в надежде спокойно почитать. Но вскоре я невольно стал очевидцем следующего разговора. Говорил Луи,

– Обстановка крайне сложная, ОГПУ, наступает нам на пятки, по этому я принимаю решение о закрытии миссии «Красного креста» и консервации нашей деятельности по сбору информации. Совсем не вовремя лорд Бэррет озвучил в Лиге Наций, данные по голодомору в СССР. В ОГПУ совсем не дураки сидят и сразу сообразили, откуда пошла утечка информации. Да и связной после встречи здесь в доме с Магдой, как в воду канул. По этому завтра Магеридж с Володей отправляются в Ленинград, к родственникам ребёнка, благо, что у него случайно остались сопроводительные документы, выданные Сельсоветом. С проездными документами будет гораздо проще. Я и Магда, отправляемся в Киев в протестантскую миссию. Постараемся там переждать тяжелые времена. Ивар переходит на нелегальное положение и остаётся в Юзовке для связи и контроля над объектом. У них с Оксаной сложились серьезные отношения, смогут вдвоём устроиться как муж и жена – все это было сказано уверенным, спокойным голосом человека, привыкшего к тому, что его слушали и ему подчинялись, – А теперь три часа на сборы и в ночь уходим.

Но у Кукловода свой сценарий пьесы под названием жизнь. И марионетки будут послушно выполнять задуманное им. Не прошло и часа, как возле особняка послышался конский топот, кто-то резко, по-военному отдавал команды и в дверь дома бесцеремонно начали стучать ногами и винтовочными прикладами. Благо, что Юзы строили свой дом по английской поговорке: «Мой дом-моя крепость». Так что первый натиск дом выдержал. Все домочадцы, не теряя времени даром, прихватили все самое необходимое и через потайную дверь в библиотеке, покинули особняк. Перед уходом, Ивар выбежал в сад и возле потайной калитки, как бы невзначай «обронил» часть вещей. Всё произошло не торопясь, но за считанные минуты дом опустел, как будто в нем никогда и никого не было. Мы прошли по подземному ходу до бункерных помещений.

Там Селин сказал,

– Планы не меняются, просто немного придётся переждать в этих помещениях -.

Марта и Оксана постарались, как могли, благоустроить наше пребывание в бункере. Оборудовали спальные места и занялись приготовлением ужина. Не было никакой нервозности и суеты. Как будто эти люди всю жизнь уходили из-под носа ОГПУ.

Мы провели в бункере гораздо дольше времени, чем предполагали. ОГПУшники устроили натуральный террор. Через их гребенку не возможно было проскочить, и нам пришлось почти неделю прожить в подземелье.

Что бы ни терять время даром, Ивар решил обучить меня пользоваться оружием. Правда была одна неувязочка, стрельбы проходили без патронов. Но, тем не менее, азы владения оружием, я получил. По крайней мере, мат часть знал назубок.

Однажды, я спросил у Маккольма,

– А что за той дверью, которая постоянно закрыта? -

– Мы бы сами хотели это знать. Предполагаем, что там полевая казна Нестора Ивановича, но попасть за эту дверь мы не можем. Испробовали все варианты. – со вздохом констатировал Магеридж,

– Кстати, помнишь ту карту, что ты мне передал. Так вот, я виделся с твоим крестным, и он сказал, что там закопаны не малые деньги в золоте. Бог даст, все успокоится, и ты сможешь забрать это золото. Оно по праву твое. Я не хотел тебе говорить, но твоего крестного и крестную арестовали, а их детей отправили в детские дома. -

Эта новость уколола меня в самое сердце. Я потерял последних близких мне людей, связывающих меня с моей малой Родиной.

Первыми, ближе к полуночи, покинули бункер Магда и Луи, предварительно переодевшись в пастора и монашку. Мы с Маккольмом то же переоделись и стали выглядеть сельскими жителями как отец и сын. Через час, после «служителей церкви», покинули бункер и мы с американцем. Выйдя из коллектора, мы направились сначала вдоль берега, а потом Макгеридж уверенно провел нас дворами к железнодорожному вокзалу. Садиться в пассажирский поезд было опасно, и мы направились к сортировочной станции, где формировали грузовые составы. Сориентировавшись на местности, Маккольм сказал, что выберем нужный состав и попробуем вскочить в него при отходе.

Не прошло и часа, как мы уже ехали на платформе товарного выгона, покидая территорию Украины.

Что касается Ивара и Оксаны, то они официально поженились, правда, по поддельным документам, по которым Ивар стал Иваном. Сразу, после женитьбы, они усыновили близнецов и стали жить дружной семьей под фамилией Матекины.

Михалик попал в детский дом, а в, впоследствии, стал крупным партийным боссом.

А Мурат стал известным бандитом.

Ну а мы через три недели, но все же, добрались до Ленинграда, и я встретился со своими родственниками.

ПЕРМЬ

1981- 1982 год

Рэкет

I

Большинству обывателей в нашей стране, слово «рэкет», стало известно в начале 90-х годов, но первый рэкет, в Перми, датируется 1975 годом. А первые «посадки» прошли уже в 1976 году. По делу пошли всего несколько человек, но как вы понимаете, количество серьезных парней, которые были причастны к данному виду криминальной деятельности, не ограничивалось только ими. И с «легкой руки» таких известных рэкетиров страны, как «Монгол» и «Япончик» данный вид криминала получил широкое распространение во всём Советском Союзе. Не исключением была и Пермь.

Нужно пояснить читателю, что восьмидесятые годы, были годами поголовного воровства народного достояния. Ворovali все и всё. Была даже поговорка: «Все, что ты не унес с работы – ты украл у семьи».

У нас в тресте работал завхозом военный отставник, Александр Иванович, он был точь в точь, как у Ильфа и Петрова, мелкий застенчивый воришка. Воровал он на регулярной основе, и остановиться никак не мог. У него квартира была похожа на склад канцтоваров. Сотнями лежали на книжных стеллажах коробки скрепок, кнопок, карандашей, ручек, перекидных календарей, в общем, все, что только он мог украсть в тресте. На мой вопрос,

– Зачем в таких количествах? -

Он ответил,

–Так больше нечего воровать на моей должности. -

Вот так и другие воровали, кто по мелочам, а кто и по крупному. Наиболее были тому примером «пивовозы», «пивники», бармены, «мясовозы», заведующие магазинов и завпроизводством. За месяц они «наживали» на леваках, недоливе, пересортицах и прочих «фокусах» советской торговли, в среднем, до десяти тысяч рублей. Что касается «цеховиков», то у тех доходы были уже на порядок выше притом, что средняя зарплата в СССР тех времён, была сто пятьдесят рублей в месяц. «Жигули» последней модели, в восьмидесятые годы стоили девять тысяч шестьсот рубликов.

Ещё в Мотовилихинском тресте ресторанов мы подружились с Зифаром. Зифар был татарин. Старше меня на пять лет и имевший большой «жизненный опыт» в виде трёх сроков по 2, 3 и ещё 3 года лишения свободы. Все по ст. 144 УК РФ Советского образца. Он ходил «на дело» с Анжелкой, известной, в то время, воровкой. Конечно, Анжелка была не «Сонька золотая ручка», но, воровка тоже известная.

Был Зифар худощав, чуть ниже меня ростом. Немного дерганый, но в целом адекватный парень. Одевался он по моде, но не понятно, по какой причине, почти вся одежда у него была коричневых тонов. Как то я спросил у него про эту особенность его гардероба. Он без замедления ответил,

– Представь, себе Новый год, праздник, все нарядные, в карнавальных костюмах. А тут я, в коричневом костюме, коричневых ботинках, встану в угол, и буду вонять, изображая из себя говно. Весь праздник всем испорчу.– то ли в шутку, сказал он, то ли всерьёз. У него невозможно было это понять.

Был он достаточно смазлив, и девки к нему так и липли, чем он пользовался без зазрения совести.

Как то, само собой у нас образовалась дружная компания. Были там Зифар, со своими друзьями Сашкой «Цыганком», Валентином «Сынком», Юркой «Демидовским», и неоднозначным персонажем Серёгой «Щуплым».

Зифаркины друзья скорешевались ещё на «малолетке», и с тех пор старались держаться друг дружку во всём.

Кроме них, в компании, были мои доармейские друзья Олег с Борькой, и ещё Игорёха, молодой парнишка, брат моей старинной подруги.

С Олегом и Борькой мы были знакомы еще до армии. Они жили в общежитии авиационного техникума, которая была рядом с моим домом, рядом с домом была и общежитие торгового техникума, где проживало четыреста молодых сексапильных девчонок. Вот в этой общежитии мы и познакомились, постепенно, знакомство переросло в дружбу. Нас звали, тогда, мушкетерами, потому, наверное, что мы были молодые и дерзкие и, еще по тому, что все трое носили мушкетерские усики.

Игорь же, был совсем молодой парнишка, но дерзкий и духовитый. В армии он не служил. Его мама «отмазала». А попросила его пристроить сестра, Людка Дудкина, с которой мы в свое время встречались и, простите за подробность, как то в порыве страсти сломали кровать ее родителей, на которой страстно занимались любовью. Игореха был высокий блондин, но не в черном ботинке, хотя отдаленно напоминал Пьера Ришара, такие же светлые, кудрявые волосы и обезоруживающая, простодушная улыбка в сочетании с комичной неуклюжестью, придавали ему сходство с французским актёром.

Большинство вечеров мы проводили либо в ресторанах, либо в пивных или коктейль барах. Были мы молоды, кровь бурлила, энергия выплескивалась, как шампанское из бутылки.

В один из таких вечеров мы пили пиво в пивбаре «Кама», находящемся в подвале одноимённого ресторана. Пивко под копчёные рёбрышки вливалось внутрь живительным нектаром. Настроение было чудесное. «Цыганок» постоянно балагурил. Вообще Сашка был душа компании. Такой же чернявый и кучерявый, как натуральный цыган, он всегда был в центре

событий. Всегда стоял горой за дело и друзей. Без раздумий мог кинуться в любую заваруху. Была у него жена Зойка, которую он безумно любил и которой никогда не изменял. Если после кабака, мы с барышнями отправлялись в «нумера», то Сашка, никогда. Он ехал домой, к своей Зойке. Любимым их с Зойкой шутливым приветствием была песенка. Сашка начинал:

– Гоп стоп Зоя, кому давала стоя?-

Зойка в шутку отвечала:

– Начальнику конвоя.– И они бросались друг другу в объятия.

– Вот мне не понятно, – вдруг сказал он,

– Кругом масса фраеров, которые просто сорят деньгами. Откуда у них столько «бабла»?

Ладно мы, а они откуда берут?-

– Все воруют, сплошной беспредел. Никто ничем не брезгует, – философски изрёк Валентин.

В отличие от Сашки, Валентин полная ему противоположность, и был старше всех нас. Не высокого роста, немного полноват, уже имел конкретную лысину, носил круглые очки и был похож на снегиря. Да, не на щегла, не на воробья, а почему-то именно на снегиря. Наверное, еще и по тому, что он был розовощек, как будто постоянно стесняется чего-то. По виду – чистый «ботаник». Но внешность бывает обманчивой. Валентин, как и Зифарка, был «щипач» и ходил на «дело» по старинке: в одиночку и с заточенной с одного конца, пятикопеечной монетой, на воровском жаргоне «писка». С этой монетой он не расставался даже на зоне, что однажды спасло ему жизнь. Как то две «торпеды», попытались в лагере «лишить его здоровья», но Валентин, вскрыл «пиской», одному сонную артерию, а другому оставил на всю оставшуюся жизнь отметину в виде шрама от уха до рта. После освобождения он без «плётки» не ходил,

– Грехов много, а врагов еще больше, но кто вооружен, того и предупреждать не надо. – постоянно повторял он.

– Слишком много «барыг» развелось. Ведут себя, как муфлоны не пуганные. Пора бы в их стаде ревизию произвести, по поводу экспроприации незаконно нажитого состояния, – внёс он предложение и посмотрел на нас, – Какие будут мнения? –

После небольшой паузы Юрка говорит,

– У меня сосед появился. Купил квартиру «трешку» в соседнем подъезде, за месяц «забавал» ремонт, мебель вся импортная. А вчера «шестерку» себе пригнал цвет «белые ночи». Может на «гоп-стоп» возьмём?-

Юрка был самая легендарная личность. Это был атлет: широкие плечи, высокий рост, ни грамма жира. Славянский тип лица с широкими скулами, большим ртом и крупным носом. Русые волосы и серые глаза. Кулаки, как пудовые гири. Первый срок он получил в пятнадцать лет за разбой. На зоне срок увеличили, и вышел он в двадцать семь лет. С ним предпочитали не ввязываться в драку, поскольку удар у него был, что у молотобойца, кувалда, да и «задней» он не знал. Однажды, он получил удар в спину сварочным электродом, который, как потом выяснили врачи, вошел в сердечную мышцу. Но, прежде, чем потерять сознание, выбил дух из нападавшего, и своими ногами дошел до больнички.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.